

Заключение

Проделанную в данном исследовании работу можно расценивать в качестве эксперимента, имеющего сравнительно-статистический характер, и в целом направленного на выявление локальной специфики аграрной эволюции юго-западного и северо-западного регионов Англии второй половины XVI-первой трети XVII вв.

Каковы же конкретные *итоги* изучения источников по аграрной истории (в частности, манориального комплекса Рочдейл в северо-западном графстве Ланкашир) – и каким образом они соотносятся с локальными особенностями юго-западной части Англии, отраженными в экстендах уилтширских поместий графов Пемброков?

Так, в частности, удалось выявить специфику свободного держания в Ланкашире как комплекса земельных владений, преимущественно представлявших собой *дворянский фригольд*, часть которого, принадлежа к королевскому домену, вела свое происхождение со времен Книги Страшного Суда. Согласно произведенным подсчетам выяснилось, что благородные фригольдеры поместья Рочдейл, в численном отношении составлявшие в манорах 29,1%, владели земельной площадью, удельный вес которой в общей площади свободного держания составлял 70%. В рамках работы, направленной на решение проблемы типологии держательской структуры, удалось также выявить распределение фригольда по манорам, его пропорциональное соотношение с общинной землей, с землей копигольда и т.д.

В русле методики, классической для аграрных исследований, был изучен и вопрос о дифференциации свободных держателей по земельной площади и уровню доходности их держаний. С этой целью весь состав фригольдеров-дворян был разделен на шесть категорий согласно той земельной площади, которая находилась в руках его представителей. В итоге

в среде благородных фригольдеров был выявлен реальный (хотя и завуалированный описями) процесс интенсивной социально-экономической дифференциации, выразившейся в размывании их «среднего» ядра. Выяснилось, что верхушка фригольдерской аристократии могла владеть земельными поместьями, порой равными целым манорам (иногда такие поместья достигали 5000 акров), в то время как находившимся на противоположном «полюсе» представителям обедневшего дворянства подчас приходилось довольствоваться земельными участками всего в несколько десятков акров.

Особенностью северо-западного региона явился выявленный в ходе исследования процесс «собирания» земель представителями крупного «благородного» фригольда, в то время как, например, на Юго-Западе страны маноориальные лорды, с целью извлечения максимальной прибыли, превращали его, нарушая при этом и обычай, и общее право, в более выгодные с экономической точки зрения копигольд и аренду.

Итак, специфика дворянского фригольда в графстве Ланкашир в раннее Новое время по сравнению, в частности, с юго-западным регионом страны, состояла, прежде всего, в наличии огромных блоков земли этого юридического статуса, площадь которых подчас достигала не сотен (как в Уилтшире), а тысяч акров. Думается, что этот факт можно объяснить не только тем, что в нем в какой-то мере мог проявляться итог субинфеодации королевского домена, длившейся на протяжении Средневековья и выразившейся в росте маноров и появлении «блоков» дворянского фригольда – процесс, конечный результат которого, вероятно, фиксируют описи поместья Рочдейл. Особенность отмеченного явления состояла еще и в том, что внутренним импульсом процесса генезиса крупного «благородного» фригольда за счет собирания среднего и мелкого в данном регионе в период аграрной революции являлись земельные передвижки внутри маноров, инициируемые фригольдерской аристократией, и проводимые, по всей видимости, под покровительством маноориальной администрации. О

«разрешающем» участии последней в процессе внутренних перемещений земельной собственности свидетельствует тот факт, что подобного рода операции с фригольдом, заключающиеся в недопущении мелких и средних фригольдеров, благородных по происхождению и защищенных общим правом страны (а не «низких» держателей по обычаю), в глубины маноров, могли производиться крупной фригольдерской аристократией лишь с ведома лорда или замещающего его стюарда, решение о чем принималось в курии. Таким образом, «внутрипоместная демократия» в среде фригольдеров, которая издавна, казалось бы, основывалась на их свободном состоянии, принадлежности к сфере общего права и включенности в число «всех граждан королевства», оказывалась в реальной жизни манора весьма относительной, если не иллюзорной, а на самом деле полностью зависела от «материального фактора».

Очевидно, что хозяйственная деятельность фригольдеров-дворян на огромных участках свободной земли, по размерам приближавшихся подчас к крупным манорам, была прежде всего выгодна им самим – достаточно высокий доход с этого фригольда (при низких рентах) дает основание предположить коммерческую направленность этой деятельности, а людей, занимавшихся ею, отнести к представителям крупного джентри указанного региона. Но была ли такого рода хозяйственная деятельность выгодна лордам поместья Рочдейл? Низкие ренты крупных фригольдеров-дворян свидетельствуют о том, что манориальный бюджет пополнялся явно не за счет благородного фригольда, а скорее (хотя тоже совсем незначительно) за счет копигольда. Очевидно, терпимое и даже покровительственное отношение администрации к процессу собирания земель отдельными предприимчивыми фригольдерами-дворянами за счет ущемления материальных интересов мелких и средних, причем *тоже благородных*, фригольдеров внутри самих маноров, могло объясняться вовсе не особой доходностью этого типа фригольда для собственников земли, а высоким, «выше обычного», сословным статусом тех, кто занимался выявленной в

исследовании концентрацией земли. И действительно, это подтверждается текстом источников.

Итак, мы не наблюдаем в Ланкашире 20-х гг. XVII столетия тех активных операций с фригольдом, которыми была отмечена в это же время деятельность графов Пемброков в Уилтшире по превращению обширного свободного держания, причем преимущественно дворянского, в более выгодные им копигольд и аренду, где ренты регулировались не столько традицией, сколько рыночной конъюнктурой.

Операции с фригольдом, согласно «северному» их типу, проходили не на стыке «статусного состояния» земель (фригольд-копигольд; фригольд-аренда), а на «*внутристатусном*» уровне – в форме роста крупного «благородного» фригольда за счет среднего и мелкого: свободное держание в 20 манорах поместья Рочдейл в Ланкашире перед революцией не исчезает (как именно в эти же годы в Уилтшире), а процветает, свидетельствуя об особых условиях его развития в указанный период. Однако наличие здесь гораздо более крупных блоков дворянского фригольда (по сравнению с Юго-Западом) и отсутствие данных о превращении его в другие виды держаний свидетельствует все же не о статике аграрного развития на Северо-Западе Англии, а просто о динамике иного рода, которая была не явной, а скрытой, протекая внутри самого фригольда и способствуя превращению в данном регионе этого вида держания в источник значительных доходов для его непосредственных владельцев.

Помимо дворянского фригольда на основе соответствующей методики был изучен также и «городской» его тип, в результате чего, в частности, появилась возможность сравнить уровень доходности различных видов этого вида держания в целом. Так, на основе анализа описей маоноров Рочдейла, например, выяснилось, что наиболее выгодным с точки зрения его владельцев мог быть внутригородской «благородный» фригольд (уровень дохода на акр земельной площади этого вида держания был равен огромной цифре: 16,2£). Затем следовал внутригородской фригольд крестьянского типа

(доход на акр: 6£), за ним – внегородской крестьянский фригольд (0,7£) и, наконец, фригольд «манориального» типа (0,3£). Таким образом, оказалось, что традиционно считавшийся в историографии прибыльным типичный дворянский манориальный фригольд не мог соперничать (во всяком случае, в северно-западном регионе Англии первой трети XVII в.) по уровню доходности с «городскими» видами свободного держания. Оказалось, что маленькие держания внутригородского фригольда были подчас несравненно более выгодными для его благородных владельцев, нежели их безбрежные владения, раскинувшиеся на просторах типичных маноров. Недаром, как показывает проведенное исследование, крупное дворянство (в частности, в Ланкашире) стремилось к повышению общего уровня доходности своих поместий не только за счет обозначенной выше концентрации владений манориального типа или проникновения на территорию обычного держания, но и за счет внедрения на внутригородской фригольд – фактор очень важный, хотя до сих пор и не слишком-то принимавшийся в расчет в историографии при анализе «роста джентри» в эпоху аграрного капитализма.

Причем, видимо, *сам факт наличия* высокого годового дохода при относительно малой площади «городских» держаний не зависел от сословного статуса держателей. Дворянин или крестьянин, жившие внутри поселения городского типа раннего Нового времени, получали с малых участков земли (иногда измеряемых долями акра) значительный доход, о чем прежде всего свидетельствовало обратно пропорциональное его соотношение с годовой рентой и его высокий уровень, получаемый с акра держания на общем праве. Возможность получения такого дохода определялась не сословным статусом держателей, а идентичным («городским») типом их хозяйственной деятельности. Однако различия в сословном статусе могли влиять если не на сам факт получения высоких доходов с «городских» держаний, то, очевидно, определяли приоритеты в возможностях и путях их достижения. Человеку благородного происхождения было, несомненно,

легче, чем простолюдину, достичь определенных высот в реализации своей хозяйственной активности.

Вопрос о специфике внутригородского фригольда связан в исследовании с рассмотрением такого социального феномена как манор городского типа периода раннего Нового времени (или просто: «манор-город»), определяемого в источниках *манориальной истории* (описях и ренталях) термином “borough”, который обычно применяется для обозначения *поселений городского типа*.

Вопрос о соотношении *манора и города* раннего Нового времени в историографии не поставлен основательно (так, традиционно проводилось скорее сравнение между *деревней и манором*; деревней как базисным организационным началом крестьянского мира (общины) и манором как административной надстройкой поместных институтов; кроме того, в отечественной историографии основательно проработана проблема соотношения *города и деревни*).

Как представляется, вопрос о корреляции между «манором» и «городом» может быть предметно рассмотрен прежде всего на основании такого рода источников как документы именно манориальной истории раннего Нового времени, которые содержат сведения как о землях и рентах, так и о манориальной организации, базирующейся на средневековых обычаях и традициях. Так, в частности, в работе этой вопрос исследован на примере двух маноров «городского типа», представленных в изученных сводах источников: один из них, Вилтон, являлся центром манориальных владений графов Пемброков в Уилтшире, а второй, Вардлверф, – центром группы маноров Рочдейл в Ланкашире второй половины XVI-первой трети XVII вв.

Если мы попробуем подвести некоторые итоги по проблеме английского «манора-города» раннего Нового времени на примере изучения Вилтона и Вардлверф, которые обозначены в документах *манориальной истории* «городскими» терминами и представляют юго-западный и северо-западный типы локального развития, то, пожалуй, наши наблюдения в этой

области могли бы быть сведены к следующему. Во-первых, представляется достаточно важным самое наличие феномена «манора-города» в сельской действительности Англии указанного времени, свидетельствующее, наряду с другими факторами, уже отмеченными ранее в отечественной историографии (раннее развитие английского капитализма именно в деревне, а не в городе; локализация в ней рассеянной мануфактуры раннекапиталистического типа), о переходном характере эпохи. Во-вторых, проведенное исследование дает основание считать яркой чертой указанного феномена его двойственность, «незавершенность» основных структурообразующих характеристик, отмеченных чертами одновременно города и манора. Еще и еще раз подчеркну, в качестве подтверждения, то обстоятельство, что недаром этот феномен терминологически характеризуется источниками по аграрной истории как поселение городского типа, хотя сам факт его наличия в описях среди типичных маноров свидетельствует о генетически деревенском, сельском его происхождении.

В качестве основных черт указанного феномена, характеризующих его как манор, можно было бы выделить следующие: а). значительная роль сельскохозяйственных занятий населения; б). наличие домена, хотя и сданного в аренду или фригольд; в). наличие копигольда и копигольдеров – держания и держателей типично внутриманориального типа; г). организация хозяйственной жизни по типу манора, то есть специфические, характерные именно для манора, операции с землей (превращение фригольда в копигольда в аренду); д). правовая и административная организация внутренней жизни по типу манора: наличие курии (а не городского совета, например), роль манориального обычая как регулятора внутренней жизни.

В качестве специфически «городских» черт исследованного феномена можно было бы выделить такие: а). относительно незначительная площадь поселения, несоизмеримая с просторами манора; б). дополнительные неземледельческие занятия населения – ремесло, торговля, совмещаемые с сельскохозяйственным трудом; в). наличие рынка; г).

топография скорее городского, чем сельского типа; д). небольшая, в основном, площадь земельных наделов; е). высокая рентабельность городских участков – годовой доход, в десятки и сотни раз превышающий ренты за держания, - фактор, являвшийся особенно притягательным для держателей различных сословных статусов, в том числе и для «благородных» фригольдеров.

В работе рассмотрена также и проблема крестьянского фригольда, основу представителей которого, как принято считать в историографии, составляли в исследуемое время владельцы одной-двух виргат земли, имевшие минимальный 40-шиллингвый доход, на этой основе ведущие полноценное гражданское существование (вплоть до возможности участвовать в выборах представителей от графств в Палату общин).

Внести некоторые коррективы в указанную концепцию представилось возможным преимущественно на основе анализа источников манориальной истории, относящихся к графству Ланкашир (в уилтширских манорах Пемброков крестьянский фригольд – по сравнению с дворянским – являлся «чужеродным элементом», то есть практически не был развит: свободные держатели крестьянского типа составляли лишь 5,9% всего держательского состава, а площадь земли, находившейся в их руках, не достигала и 3% общей площади маноров). Оказалось, что в манориальном комплексе Рочдейл крестьянский фригольд по численности его представителей явно преобладал над фригольдом «благородным», хотя и уступал последнему в отношении земельной площади. Так, если соотношение держателей крестьянского и дворянского фригольда выражалось пропорцией 66,9% : 21,9%, то соотношение площадей было обратным: 28,6%:70%. Однако в результате работы над проблемой дифференциации фригольдеров крестьянского типа выяснилось, что, несмотря на небольшую площадь наделов, мелкое (владельцы участков до 15 акров) и среднее (до 60 акров) крестьянство графства Ланкашир предреволюционной поры было вполне обеспеченным, что выражалось, в частности, в высокой доходности их

участков (при практическом отсутствии рент и вступных фэйнов). Так, например, на основании соответствующих подсчетов удалось показать, что «классический» для фригольдеров доход в 40 шиллингов в Ланкашире могли приносить даже не участки в 1-2 виргаты, а совсем небольшие, чуть ли не коттерские, наделы, не превышавшие 7 акров. Фригольдеры же «виргитарии», а тем более обладатели двух виргат земли, получали доход, уровень которого измерялся десятками фунтов. Таким образом, как удалось выяснить, участки земли в 1-2 виргаты вполне могли служить материальной основой для извлечения годового дохода, в десятки раз превышавшего 40-шиллинговый ценз, служивший допуском в ряды «полноправных граждан». Похоже, что к их числу, во всяком случае, в Ланкашире, могло принадлежать вполне значительное количество фригольдеров, не отягощенных крупными земельными наделами, что, разумеется, расширяет наши представления о материальных «пределах» демократии. Разумеется, что мы вынуждены принимать во внимание относительный характер всех «измерений», связанных с проблемой корреляции доходов и земельной площади – корреляции, колебания которой зависели от превратностей рыночной конъюнктуры, цены и качества земли, «регионального фактора» и пр. Однако, как представляется, и с учетом указанных факторов выявленная зависимость между высотой доходов фригольдеров крестьянского типа и земельной площадью, с которой поступали эти доходы, вносят некоторые нюансы в наши представления о специфике не только аграрной, но и социальной истории Англии раннего Нового времени в целом.

О достаточной обеспеченности мелкого и среднего свободного крестьянства северных территорий свидетельствует также и то обстоятельство, что, владея в совокупности относительно меньшими размерами земли (по сравнению с зажиточным крестьянством – обладателями участков в 90-120 акров и выше), «низшая» по имущественному положению категория свободного крестьянства (наделы представителей которого не превышали 15 акров), получала с них

относительно большой совокупный годовой доход, который в 1,2-1,4 раза превышал «барыши» представителей фригольдерской верхушки. Этот факт является еще одним подтверждением не только общей высокой доходности земель поместья Рочдейл, но по-особому значительной доходности небольших по площади участков земли свободного крестьянства предреволюционного Ланкашира. Таким образом, наши данные, относящиеся к этому типу землевладения и землепользования в указанном регионе, свидетельствуют о каких-то особенных условиях функционирования крестьянских хозяйств в эпоху аграрной революции; условиях, благоприятствовавших развитию не только крупного дворянского, но и *крестьянского* фригольда. И действительно, мы видим, например, что на крестьянский, «неблагородный», фригольд (как мелкий, средний, так и крупный), как это ни странно, совсем не посягали фригольдеры-дворяне, те самые «собиратели земель», которые хозяйствовали на фригольде «благородном», сосредотачивая в одних руках сотни и тысячи акров земель. Я так и не смогла найти среди крупных «благородных» фригольдеров-скваттеров тех, кто вторгся бы не на «дворянский», а на крестьянский фригольд.

Таким образом, создается впечатление, что свободное крестьянство северных территорий берегли, очевидно, для выполнения какой-то важной функции, причем не последнюю роль в этом процессе могла играть и манориальная администрация. Думаю, что данный факт вполне можно связать с установившимся в нашей историографии мнением о роли свободного крестьянства северных территорий как традиционно, на протяжении столетий, с успехом использовавшегося короной «коллективного защитника» границ государства в его многочисленных международных конфликтах, в том числе и с соседней Шотландией. В связи с этим представляется очень важным еще раз упомянуть о том, что наши манориальный описи совершенно не фиксируют на своих страницах такого важного для крестьянского землевладения и землепользования «показателя»

как вступные файлы – те самые платежи, которые повсеместно требовались с крестьян при вводе их в держание. Это досадное, с точки зрения исследователя, «упущение» манориальных клерков, не дающее, как казалось бы, ему возможности развернуть во всю ширь анализ социальных отношений внутри английского манора эпохи аграрной революции, на самом деле вовсе не является упущением. *Отсутствие фиксации файлов в описях на самом деле представляло реальное их отсутствие*: их просто не взимали с крестьян северных территорий, способствуя тем самым наиболее успешному функционированию их хозяйств, что представлялось, очевидно, на локальном уровне «внутриманориальной стратегией государственного значения».

Очень важной является также представленная в работе проблема копигольда – держания на воле лорда и по обычаю манора, которое закреплялось за крестьянами на основании копии манориального суда. Копигольд исследован не только как социально-экономический, но и как правовой феномен истории Англии. Копигольду уделено, возможно, наибольшее внимание на страницах работы и прежде всего потому, что держатели по копии составляли наиболее значительную часть крестьянства предреволюционной Англии в целом.

Важную роль в жизни этих держателей играл манориальный обычай – «душа и жизнь» копигольда, средоточие памяти целых поколений. В связи с этим проведенное исследование копигольда как правового феномена представляется необходимым. Без изучения влияния обычая как основного регулятора местного права на внутреннюю жизнь манора, включая как взаимоотношения между держателями и лордами, так и между членами самого крестьянского мира, сама эта жизнь предстает статичной. Между тем до недавнего времени в отечественной историографии дело обстояло именно так: после работы А.Н. Савина по истории английского крестьянства эпохи Тюдоров (1903 г.), эволюция английского манора «исследовательски» была представлена лишь с точки зрения раскрытия ее социально-экономического

содержания, то есть на основе анализа преимущественно таких проблем как рентные отношения, дифференциация крестьянства, сроки держаний, зависимость изменения структуры манора от эволюции форм феодальной ренты и т.д. А ведь домены и держательские земли, службы и ренты еще не составляли всего манора, хотя и являлись его экономическим фундаментом. Существовала, как уже указывалось, не менее важная грань внутриместной истории – манориальный обычай, являвшийся, с одной стороны, материальным правом обычного держания, а с другой – его внутренним нравственным законом, этическим регулятором средневековой деревенской общности, ее цементирующим началом. Эта сторона манориальной истории, так сильно повлиявшая на ее эволюцию, исследована в современной отечественной историографии далеко недостаточно.

Обычай действительно можно считать душой копигольда. Регулирующая и направляющая его роль, как показано в исследовании, проявлялась повсюду, обеспечивая определенные, повседневно закрепляемые традицией нормы: 1. в области материальной жизни, 2. в сфере наследования, 3. в сфере управления манором, 4. в области манориальной юрисдикции (обеспечение судебной защиты в тяжбах с лордом и межкрестьянских тяжбах, 5. в соблюдении этических норм. Наиболее интересной и важной для понимания процесса «фиксации» статуса копигольдера местным правом являлась, как удалось показать, проблема *условий* его держания, то есть, во-первых, сроков этого держания, и, во-вторых, высоты различного рода платежей лорду, которые требовались с копигольдера.

Проблема сроков держания по копии, напрямую зависевших от обычаев передачи недвижимости внутри манора, представлена в исследовании как отражение специфичной терминологии источников манориальной истории, в свою очередь, отражающей тонкости манориального права в области наследования. Так, в частности, считавшиеся ранее в историографии идентичными термины «копигольдер» и «обычный

держатель», как оказалось, были весьма неодинаковы в повседневности английского манора, отражая различные правила и нормы передачи земельных участков по линии кровных или, напротив, некровных родственников.

Что касается держательских платежей, то в исследовании систематизируются данные источников по указанной проблематике и на этой основе – многолетние наблюдения автора в этой области. Так, представлена не только классификация платежей, но и факторы, определявшие их высоту в реальной жизни манора. В очень обобщенном виде можно отметить, что их высота в период аграрной революции могла зависеть от следующих факторов: 1. от экономических потенций земли, в том числе от наличия или отсутствия «коммерческих» типов угодий (например, пастбищ для овец) в составе держаний; 2. от имущественного положения держателя; 3. от сословного его положения (так, по моим наблюдениям, дворяне и горожане, «проникавшие» на копигольд, нередко платили ничуть не более высокую ренту, чем обычные держатели, а во многих случаях – более низкую, или не платили ее вовсе, чем, кстати, не в последнюю очередь и объяснялось стремление «благородных» на копигольд); 4. от того, был ли копигольд «срочным» или наследственным (нередко более привилегированные «copyholders by inheritance» платили относительно более низкие ренты, чем держатели «на жизнь» или «жизни»); и, наконец, 5. от одновременности складывания обычая.

В связи с последним утверждением отметим, что ренты копигольдеров, при всем различии их природы и уровня, объединяло то важное обстоятельство, что они были определенными, фиксированными, «твердыми», то есть не могли меняться из года в год по воле лорда. В данном случае воля лорда, от которой во многом действительно зависела судьба копигольдеров, отступала перед манориальным обычаем, который как раз и был тем самым «цементирующим началом», скреплявшим права крестьян в сфере выплаты ими ежегодных рент. Чем дальше в глубь веков уходил

обычай, тем тверже могли быть ренты, фиксируемые им. Ведь именно незапамятность обычая являлась критерием его легитимности в английском маноре. *Если по отношению к средневековому английскому крестьянству и можно говорить об относительной его обеспеченности, то только потому, что в реальной жизни манора существовал такой важный феномен как обычай твердых рент.* Не в последней степени именно это обстоятельство в свое время позволило Д.М. Петрушевскому утверждать, что английские крестьяне с точки зрения местного, манориального права, обладали сейзиной (собственностью) на те участки земли, на которых они хозяйствовали (хотя с точки зрения права господ или общего права Англии, они являлись лишь держателями этой земли от лорда). Малая подвижность ежегодной ренты была и по мнению А.Н.Савина наиболее благоприятной чертой экономического и юридического положения копигольдеров. Итак, еще раз подчеркнем, что вне зависимости от времени складывания обычая, наличие его самого влияло на неизменный характер рент – они, как правило, были стабильными, постоянными. *Время* же складывания обычая, очевидно, могло влиять на *высоту* рент: если в том или ином маноре обычай, регулирующий отношения между крестьянином и лордом в указанной области, возникал и укреплялся в период невыгодной для крестьянства экономической конъюнктуры (скажем, в эпоху «феодалной реакции» в Англии XIII в.), то ренты могли закрепляться как высокие. Если же обычай, напротив, складывался во времена, с экономической точки зрения тяжелые для господ, то ренты могли быть зафиксированы обычаем как относительно низкие для крестьянства. Эта, практически совсем не изученная, зависимость рент от времени складывания обычая, требует дальнейшего тщательного исследования на материале первоисточников по различным регионам Англии.

Во-вторых, в ряду держательских платежей важную роль играли взносы за допуск к держанию или вступные фэйны. В отличие от фиксированных обычаем годовых рент, фэйны являлись наиболее подвижной частью

держательских платежей, так как зависели от воли лорда. Анализ источников манориальной истории показывает, что в период формирования копигольда как особой формы крестьянско-парцеллярного хозяйства в эпоху коммутации рент и «спонтанного» освобождения крестьянства, фэйны могли быть относительно низкими или, по крайней мере, разумными. Критерий «разумности» подразумевал, что их высота не должна превышать уровня двухгодичного дохода с участка земли с тем, чтобы не привести крестьянское хозяйство к экономическому «дисбалансу» и обеспечить хотя бы его простое воспроизводство.

Что касается эпохи бурных перемен XVI-XVII вв. в жизни английской деревни, то, как удалось показать, именно фэйны являлись тем самым «компенсационным фактором», с помощью которого лорды стремились уменьшить свои так называемые убытки, связанные с неподвижностью обычных рент. По сути, именно вступные фэйны, многократно «взвинчиваемые» лордами маноров, играли роль «улучшенной ренты» или «ренты-мечты». Именно в указанное время ориентированная на рыночную конъюнктуру «воля лорда» наиболее явственно деформировала обычай. Фактор повышения фэйнов за допуск к держанию являлся одним из важных механизмов экспроприации крестьянства, особенно в юго-западной части Англии (в отличие от ее северо-западного региона, где, как указывалось, крестьяне практически не платили вступительных взносов.). В работе, далее, имеются также конкретные данные (по обоим исследуемым регионам) о таких повинностях крестьян как герiotы (посмертные платежи), все еще практиковавшихся в XVI-XVII вв., «отработки», натуральные ренты и т.д.

Важной страницами в проведенном исследовании копигольда можно считать и такие проблемы (имеющие непосредственное отношение как к правовым аспектам держания по обычаю, так и к внутренней, повседневной жизни английского крестьянства) как проступки и преступления крестьян в маноре (равно как и наказания, следующие за них); специфика правового и материального положения «последних вилланов» — крепостных,

сохранявшихся в порах владельческих комплексов обоих исследованных регионов; имущественное положение женщин (в частности, вдов) в связи с земельными «передвижками» внутри маноров, а также специфика их прав, охраняемых, с одной стороны, обычаями, с другой – нарушаемых проявлениями «злой» воли лорда. Возможность изучить все эти проблемы (с привлечением, вдобавок к основным, и дополнительных источников типа сводов местных обычаев Англии – так называемых *borough customs*) является, безусловно, важной с научной точки зрения.

Так, в работе показано, что, поскольку в раннее Новое время в Англии имела место упомянутая выше насильственная деформация обычая манориальными лордами с помощью особых «рычагов» экспроприации крестьянского хозяйства, крестьяне в своих тяжбах с лордами начинают обращаться в суды общего права Англии, стремясь к тому, чтобы упомянутые суды при разборе этих тяжб опирались на обычай каждой данной местности (в чем и могла бы выражаться рецепция манориального обычая судами общего права). Однако, как показали еще исследования А.Н. Савина, указанные суды принимали, но полноценно не рассматривали жалобы обычных держателей, лишь имитируя, таким образом, стремление пойти навстречу крестьянству в деле поддержки его притязаний на ведение самостоятельного хозяйства. Очевидно, что речь могла идти лишь об *имитации рецепции обычая* судами общего права страны, что, по моему мнению, вполне могло входить в представления господствующих классов (старавшихся создать иллюзию соблюдения интересов масс держателей), о стратегии отношений с крестьянством в предреволюционную эпоху.

В исследовании показано также, каким был мир английского манора с точки зрения местного закона, «сконцентрированного» в курии и ответственного за крестьянские преступления и наказания. Таким образом, исследуется роль обычая как инструмента местной полицейской юрисдикции, исходившего прежде всего из принципа разумности в его стремлении максимально образцово организовать повседневную жизнь

манора. Так, на основе анализа различных видов проступков и преступлений в крестьянской повседневности, в работе показано, что обычай, играя роль этического регулятора этой повседневности, минимизировал дестабилизирующую нормальное течение жизни крестьянскую «поведенческую анархию». Кроме того, он во многом способствовал и правильному управлению манором, закрепляя, как, в частности, показано на основе анализа трактата Флеты «Об обязанностях в маноре», за представителями администрации манора (стюардом, бейлифом, старостой) их повседневные обязанности, усиливая тем самым роль каждого из них внутри крестьянского мира, – что в конечном итоге приводило к относительно образцовому ведению господского хозяйства и повышению его доходности.

Выдвинутая в исследовании проблема «последнего вилланства», изучена, как минимум, в двух отношениях. Во-первых, с точки зрения конкретного, «прикладного», исследования условий жизни крепостных-вилланов, все еще остававшихся в порах манора эпохи аграрного капитализма – на примерах 12 маноров владений Пемброков в графстве Уилтшир и 2 маноров владельческого комплекса Рочдейл в Ланкашире. В обоих регионах было обнаружено значительное количество «последних вилланов», в функционировании хозяйств которых были заинтересованы владельцы поместий со своей администрацией, которые взимали с этих хозяйств довольно высокую ренту, подчас даже создавая особые условия для их функционирования в виде неких «колоний», состоявших из крепостных (северо-западный манор Россендейл) и скрывая от правительственных комиссаров, назначаемых короной для проведения выкупа такого рода крепостных (нередко весьма зажиточных), наличие этого дополнительного – пусть не такого уж изобильного, но зато постоянного – источника доходов. Во-вторых, на основе изучения конкретных данных источников по указанному вопросу в исследовании выявляются, помимо терминологических нюансов, различия и сходные черты юридического и

социально-экономического статуса «последних вилланов». Так, в частности, показано, что в отличие от «классических» копигольдеров «последние вилланы» не имели документальных подтверждений своих прав на землю (в виде копии протокола о держании); при реверсиях (на, которые, строго говоря, они также, в отличие от копигольдеров, не имели права, т.к. наследником их земли, в теории, являлся лорд манора) переход их участков из рук в руки фиксировался соломинкой или прутом, как в период раннего и классического Средневековья. «Последние вилланы» обычно платили более высокие денежные ренты и были обязаны большим количеством натуральных и отработочных (особенно «низких», «грязных» – вроде чистки выгребных ям и канав) повинностей. Им также назначали более высокие, чем обычным держателям, вступные файлы (как, например, в манорах Пемброков 60-х гг. XVI в.). И, конечно, «последние вилланы» не могли даже думать о том, чтобы апеллировать в случае тяжб с лордом, в суды общего права, в то время как копигольдеры постепенно (с конца XV в.) начинают инициировать этот процесс.

В исследовании представлена, далее, совершенно не изученная и даже не поставленная ранее в отечественной историографии проблема имущественных прав женщин в средневековой Англии – точнее, тот весьма важный аспект этой проблематики, который связан с перемещением недвижимости внутри локальных общностей и, в частности, внутри мира английского средневекового манора. Специфика изучения указанной проблемы состоит в том, что она исследуется не только на основании манориальных описей (которые являют для данного случая пусть и интересные, но все же немногочисленные примеры), но, прежде всего, – на введении в научный оборот таких источников как упомянутые выше “borough customs” – своды местных обычаев (имеющихся практически для большинства регионов сельской средневековой Англии и Англии раннего Нового времени, включая ее Север и Запад). В работе исследуются имущественные права как замужних женщин, так и вдов (например,

специфика назначения вдовьей доли и приданого, выраженных в недвижимости, наследственные права вдов, особенности таких феноменов как «вдовье право» и «право вдовца», специфика перемещения недвижимости при рождении и смерти ребенка и многие другие проблемы). При этом делается вывод, что обычай в большей степени (нежели нормы общего права) защищал вдов и даже замужних женщин в сфере реализации их имущественных прав, так как он распространял свое влияние на лиц, непосредственно участвовавших в хозяйственной деятельности, регулируя, таким образом, нормы жизни женщин низших сословий. Обычай, таким образом, не ставил вне неписаного закона хозяйственной жизнедеятельности (как практически, так и юридически) не только вдову, но и замужнюю именно на основании того, что она *работала*. Обычай не игнорировал такую женщину, не молчал по поводу ее возможностей, свидетельством чему, кстати, служит и самое наличие в своде “borough customs” многочисленных разделов, посвященных имущественным правам замужних и вдов.

Все перечисленные выше сюжеты истории копигольда, относящиеся – по большей части – к правовым аспектам его развития, дополнены и углублены в работе на основе «прикладного» исследования обычного держания предреволюционной поры в юго-западном и северо-западном регионах Англии. Этому аспекту уделено особенно пристальное внимание – ведь именно история копигольдеров, преобладающих по численности и – нередко – по суммарной площади земли, сосредоточенной в их руках, совпадала на большей части территории Англии с историей английского крестьянства в целом. В предреволюционную эпоху именно копигольд являлся преобладающим видом крестьянского держания. И если мы заинтересованы в том, чтобы иметь представление о развитии судьбы английского крестьянства как класса в эпоху аграрной революции, то наше внимание, несомненно, должно быть сосредоточено на реальном землевладении копигольдеров и условиях их держаний.

В работе показано (на примере исследования поместий Пемброков, в которых копигольд составлял до 63-69% земельной площади и до 80% численного состава держателей), что в юго-западной части Англии ведущим процессом «расшатывания» традиционных отношений на копигольде был не процесс захвата его дворянами или горожанами (их присутствие на этом виде земельного держания измерялась единицами), а внутренняя дифференциация, происходившая в среде держателей на обычном праве. Так, около 12% держателей, зафиксированных в описях указанного времени в качестве копигольдеров, ничего общего с крестьянством не имели, т.к. их участки намного превышали 120 акров – площадь, которая традиционно считается в отечественной историографии верхним пределом земельного надела крестьянского хозяйства, не прибегавшего к использованию наемного труда. Эти богатые крестьяне сосредоточили в своих руках около 32% общей площади копигольда, во-видимому, прибегая с целью ее обработки к использованию труда субдержателей. Это была как раз та сельская аристократия периода аграрного капитализма в Англии, которая еще не обладала дворянскими титулами (хотя и легко могла приобрести их за деньги), но являлась настолько привилегированной по своему материальному положению, что породниться с кем-нибудь из ее среды в те времена было не зазорно и джентльменам.

Таким образом, как показало наше исследование, копигольдерам собственно крестьянского типа фактически уже не принадлежала третья часть земли, зафиксированной манориальными описями в качестве обычного держания. Этот факт заслуживает пристального внимания. В нем, с одной стороны, отразился итог борьбы за землю в манорах юго-западной Англии между заинтересованными в ней прослойками общества, с другой – стержневая линия этой борьбы, которую в нашей литературе традиционно связывают с огораживаниями и их последствиями для крестьянства. Однако анализ наших манориальных описей показывает, что в некоторых регионах Англии периода аграрной революции огораживания играли далеко не

решающую роль, были незначительными и не имели в качестве последствий массовых эвикций и депопуляции населения, характерных, пожалуй, лишь для центральной части страны. Так, на Юго-Западе огораживания были эпизодическими, носили «кусковый» характер; площадь огороженных участков в различных манорах, колебалась, согласно нашим данным, между 3 и 6 % пахоты. Неизмеримо большей угрозой для стабильности крестьянского землевладения являлся процесс постепенного вытеснения трудовых крестьянских семейств с копигольдерских держаний, внедрение на эти держания представителей тех общественных прослоек, которые не стремились «крестьянствовать» на этой земле, а хотели превратить ее в источник рентных доходов (сдавая субдержателям) или коммерческой прибыли (применяя труд наемных рабочих, зачастую из числа тех же субдержателей). Обычно это «внедрение» происходило в тот момент, когда сроки крестьянского держания истекали, а лорд манора, нарушая обычай, требовал при реверсии после смерти держателя (или просто в момент смены копий) столь высокий вступной файн, в десятки, а иногда, как мы увидим далее, и в сотни раз превышающий установленные обычаем размеры, что «принимающий» землю в курии был вынужден отказываться от нее. Тогда-то и появлялся толстосум, для которого никакой файн не был чрезмерным. Им мог быть дворянин или купец из ближайшего (или отдаленного) города, но чаще всего – сосед-богачей, собиравший землю в манорах и не гнушавшийся тем, чтобы лишиться средств к существованию своего же, в недавнем прошлом, брата-крестьянина. Вот эта-то угроза, связанная с фактором повышения файнов за допуск при смене копий, неизмеримо более реальная по сравнению с огораживаниями той поры, оставалась почти незамеченной не только современниками, но и последующими исследователями вопроса. И в самом деле, на первый взгляд, традиционные устои английской деревни, казалось бы, не претерпевали деформации: ведь "некрестьянский элемент" действительно, как правило, внедрялся в крестьянский копигольд в рамках маноориального обычая (при смене копий, во время установленной обычаем

реверсии), а не наперекор ему. Однако по сути это был процесс скрытого, неявного *обезземеливания* английского крестьянства, узурпации его держательских прав так называемыми «мирными» средствами, применяемыми в рамках манориального обычая (при реверсиях), но в то же время средствами, ломавшими этот обычай (ведь, согласно ему, как мы помним, размер фэйна не должен был превышать двухгодичного дохода с земли). Эта «скрытая», и потому еще более «изошренная», экспроприация английского крестьянства, не оставалась, естественно, незамеченной самим крестьянством – той страдающей стороной, которую разоряли непомерные фэйны, являвшиеся, повторю, куда более мощным фактором экспроприации (во всяком случае, на Юго-Западе Англии), чем процесс огораживаний. Наши источники как бы подводят практический итог этому процессу, и итог довольно печальный для судеб крестьянского землепользования. Несомненно, что положить предел этому процессу можно было бы лишь превращением копигольда в свободное держание на общем праве, что сделало бы процесс распоряжения наделами со стороны самого крестьянства независимым от воли лорда.

Между тем до недавнего времени по отношению к эпохе аграрной революции в отечественной историографии преобладал тезис о решающей роли огораживаний как основного фактора экспроприации крестьянства. Этот тезис был основан на сугубом внимании историков-аграрников советского периода к концепции К. Маркса, высказанной им в 24 главе I тома «Капитала». Однако практика исследования таких репрезентативных (именно ввиду их массового характера) источников, как манориальные описи, показывает, что в маргинальных, отстоящих от центра регионах Англии, дело обстояло совершенно иначе.

В работе показано также, что специфическим фактором экспроприации крестьянства на Юго-Западе был «срочный» характер держаний по копии. Причем в ходе исследования этого сюжета пришлось столкнуться с выявленным на основе цифрового анализа описей довольно

труднообъяснимым и совсем нехарактерным для периода аграрной революции явлением: оказалось, что, вопреки «общеанглийской» тенденции, традиционно подчеркиваемой в историографии, к сокращению манориальными лордами сроков обычных держаний, в манорах Пемброков на Юго-Западе эти сроки за исследованные три четверти века несколько возросли. Так, описи 30-х гг. XVII в., в отличие от описей 60-х гг. XVI фиксируют уже преимущественно держания не на одну жизнь (7 лет), а на 3 (21 год). К тому же появляется и наследственный копигольд. Все, что можно было бы предположить в связи с интересующим нас сюжетом, состоит в следующем. Возможно, сроки копигольда в течение тех 70 с лишним лет, которые разделили наши описи, постепенно увеличивались именно по той причине, что в манорах Пемброков за этот период возросло количество крупных крестьянских держаний, которыми владели представители зажиточной крестьянской аристократии, чье хозяйственное положение было обрисовано выше. И действительно, почти все они держали на сроки 3-х жизней, хотя и гораздо реже являлись владельцами наследственного копигольда. Очевидно, манориальная администрация в какой-то степени была вынуждена идти на уступки в определении сроков держаний этим «крепким хозяевам», будучи заинтересована в денежных поступлениях в манориальный бюджет с их участков. Конечно же, покровительственное, «разрешающее», участие администрации не могло простирается так далеко, чтобы в период бурных изменений в хозяйственном строе позволить повсеместно «учредить» наследственный копигольд. Однако копигольд на три жизни, очевидно, был вполне приемлем, как и в большинстве регионов страны, для более или менее нормального хозяйственного функционирования маноров Пемброков.

В этом предположении нас укрепляет и анализ сроков держаний на «чисто» крестьянском копигольде. Наиболее краткие сроки, на одну жизнь, позволявшие лордам максимально динамично «расправляться» с крестьянами путем инициации эвикций при смене копий, были присущи

держаниям, наименее обеспеченным с социально-экономической точки зрения. Назначение же типичных сроков держаний «на три жизни» в эпоху аграрной революции имело, очевидно, своего рода «поощряющий» оттенок; эти сроки могли «присваиваться» наиболее зажиточным элементам в маноре. Так что срочный характер держаний в указанное время четко дифференцировался. Думается, что наибольшую угрозу для английских земледельцев на Юго-Западе страны представляли уже не держания на три жизни, как было принято считать в отечественной историографии, а на одну жизнь.

Итак, основной путь развития капиталистических отношений в уилтширской деревне предреволюционного периода пролегал под покровом наиболее традиционной формы земельного держания – копигольда, территория которого не сокращалась за счет огораживаний и эвикций, а даже несколько расширялась за счет свободного держания, хотя и подвергалась кардинальной внутренней ломке в результате формирования мощного слоя зажиточного крестьянства, приближавшегося по своему имущественному положению к мелкому джентри, и сокращения землевладения среднего и особенно – беднейшего крестьянства, разоряемого непомерными файнами (в десятки и даже сотни раз превышавшими традиционные) и обреченного на сокращение сроков держаний до одной жизни. Для массы копигольдеров, не защищенных в отличие от свободных держателей, общим правом Англии, этот путь означал крестьянское парцеллярное бесправие, процесс постепенной узурпации (причем задолго до Великого мятежа) их возможностей реально хозяйствовать на земле копигольда.

В отличие от юго-западного региона Англии предреволюционной эпохи (не говоря уж о центральных регионах страны с их высоким «процентом» обычного держания) копигольд Северо-Запада Англии и, в частности, исследованного в работе графства Ланкашир, не являлся наиболее широко распространенной формой землевладения и землепользования – в этом смысле первенство здесь, как уже упоминалось, принадлежало

держанию на общем праве (фригольду). Согласно описям маноров поместья Рочдейл, удельный вес копигольдеров составлял в них 41,5 % численности всего держательского состава; еще меньше была площадь земли, находившейся в хозяйственном распоряжении копигольдеров: она приближалась лишь к 20% общей площади держательского клина и составляла 14,7% всей площади маноров (с учетом общинной земли). Так что история обычного держания не так явно, как это было в других регионах страны, совпадала здесь с историей крестьянства в целом – часть этой истории вполне можно было проследить, как это было сделано в исследовании, и на основе развития крестьянского фригольда.

Однако особенность развития аграрных отношений на Северо-Западе (в отличие от Юго-Запада) в исследуемое время заключалась в проникновении на копигольд маноров поместья Рочдейл весьма компактной группы «благородных», состоявшей в целом из дворян-фригольдеров этого же комплекса. Составляя по численности 18,4% общего состава держателей по обычаю, дворяне сосредоточили в своих руках почти 50% площади этого вида держания. Так что угроза стабильности крестьянского землевладения в указанном регионе заключалась вовсе не в интенсивной внутренней дифференциации, протекавшей в среде обычных держателей, как это было в Уилтшире, а в проникновении на территорию копигольда «чуждых социальных элементов» в лице представителей джентри.

В этой выявленной в работе тенденции не было бы ничего необычного (она и раньше отмечалась в историографии), если бы не несколько обстоятельств. Во-первых, процент «дворянского» землевладения на копигольде Рочдейла был очень высок (мы помним, насколько невелик он был в манорах Пемброков в Уилтшире). Во-вторых, «благородные» проникали на территорию очень «скудного», весьма необеспеченного крестьянского копигольда, с которого они получали совсем невысокий доход. Так, в частности, согласно произведенным подсчетам, оказалось, что доход с акра «дворянского» копигольда поместья Рочдейл составлял в

среднем по всему комплексу маноров лишь 2s/акр, в то время как (напомню) средний уровень дохода с дворянского фригольда манориального типа составлял 6,7s/акр (0,3£) – не говоря уж о чрезвычайно высоком доходе с акра внутригородского дворянского фригольда, составлявшего 16,2£ (324s.) с акра. Эти цифры свидетельствуют о том, что проникновение «благородных» на копигольд было не особенно выгодно для них самих. «Классические» фригольдерские держания манориального и внутригородского типа приносили куда больший доход. И наконец, в третьих, оказывается, что на копигольд маноров поместья Рочдейл стремились, как показывает изучение именного состава держателей, не «пришельцы извне», а зажиточные эсквайры – «собиратели фригольда» в этих же манорах.

В связи с указанными особенностями процесса проникновения «благородных» не только на территорию среднего и мелкого дворянского фригольда, но и совершенно необеспеченного, «низкого», к тому же явно бездоходного в данном регионе копигольда, в работе представилось возможным сделать следующий вывод. Очевидно, в исследуемый период копигольд северо-западного региона привлекал джентльменов вовсе не как какой-то особый, а как дополнительный источник дохода, которым отнюдь не пренебрегали местные сквайры-фригольдеры, настроенные на максимальное использование земли любого юридического статуса. Причем в Ланкашире проникновение дворян на копигольд вовсе не носило насильственного характера (как, например, в Средней или Восточной Англии), оно не было связано с движением огораживаний, а, следовательно, не провоцировало многочисленных и бурных эвикций.

В менее продвинутых с точки зрения развития огораживаний, и в частности, в «маргинальных», отдаленных от Центра, регионах страны, к каковым относились и Юго-Запад, и Северо-Запад, специфика проникновения дворян на копигольд была иной. Она носила более «мирный», ненасильственный характер, связанный, как подчеркивалось выше, или с повышением вступных файлов в момент смены копий (Уилтшир), или с

разрешающим участием манориальной администрации на допуск благородных к обычному держанию (Ланкашир) – факторы, до настоящего времени не учитывавшиеся в нашей историографии.

Так, в манорах Рочдейла именно «свои», местные сквайры получали у манориальной администрации разрешение на смену владельцев участков копигольда (в период реверсий) и фиксировали «делку» в манориальной курии, клерки которой отмечали в протоколе точную дату «приобретения» участка, имя и сословный статус нового владельца. Таким образом, для северо-западного региона был характерен не столько «великий исход» коммерчески настроенного дворянства из города в деревню, о котором писал еще Р.Г. Тоуни, сколько гораздо менее энергичный, но зато более основательный и эффективный переход к новым видам хозяйственной деятельности тех самых поместных оседлых сквайров, которые не пренебрегали ни единым клочком земли любого юридического статуса. В этом упорстве и «неприметности» внедрения джентри на обычное держание, происходившего, в сущности, в рамках традиционной, «обычной», процедуры вступления в держание по копии, и могла состоять в данном регионе основная угроза этому виду землепользования.

Анализ источников показывает, что в этом своем неприметном, почти законном (через посредство курии) проникновении на копигольд (к тому же в целом нерентабельный для них!) сквайры Ланкашира не платили вступных файлов. Мы не наблюдаем здесь их разрушительного воздействия, как, например, на Юго-Западе Англии периода аграрного капитализма. Но тогда возникает вопрос: чем же можно объяснить полное отсутствие файлов при значительной концентрации крестьянского копигольда в руках «благородных» местных сквайров? Ведь известно, что традиционно допуск «дворян» на копигольд осуществлялся при условии выплаты ими тех самых повышенных файлов, которые были не в состоянии вносить крестьяне при смене копий. Очевидно, выявленное нами противоречие (полное отсутствие файлов при значительной концентрации крестьянского копигольда в руках

джентри) являлось отражением своеобразной политики местных магнатов вроде манориальных лордов Рочдейла, острие которой вполне сознательно могло быть направлено против наплыва в их маноры «пришельцев извне».

В какой-то степени этот процесс мог отражать (на практическом уровне) предпосылки формирования того самого феномена, который А.Эверитт, создавая свою концепцию, именовал «локальной автономией».

Понятно, что в виду вовсе не имеется процесс формирования какой-то автономной, иерархической социальной структуры Ланкашира в предреволюционные годы – для того, чтобы говорить об этом, я не располагаю достаточным количеством подходящих источников; да анализ этих широких социальных процессов никогда даже отдаленно не входил в мои планы. Нет, речь идет о достаточно скромном, *«микролокальном» процессе создания некой провинциальной, внутриместной элиты, состоящей из местного дворянства, в ряды которой не допускались чужаки.*

И действительно, как уже показывает наше подробное описание дворянского копигольда, и особенно именной состав тех, в чьих руках он находился, – на территорию обычного держания допускались только свои, местные, хорошо знакомые манориальной администрации (и нам – в процессе изучения описей) «благородные», владевшие к тому же не одной сотней акров фригольда в близлежащих манорах. Видимо, что и в процессе проникновения джентри на копигольд сказалось то самое «сознательно-разрешающее» участие манориальной администрации, о котором речь шла выше, когда мы анализировали процесс концентрации в руках немногих дворянского фригольда.

Итак, небольшая группа местного джентри, не превышающая двух десятков человек, собирает, при покровительственном отношении манориальной администрации, во многих манорах комплекса не только свободную по своему статусу землю, но и землю «обычную». Причем, судя по всему, в обнаруженном нами процессе укрепления материального благосостояния этой местной элиты были заинтересованы не только ее

рядовые представители, но и владельцы маноров вместе со своей администрацией, также – под самыми первыми номерами – входящие в эту элиту. Возможно, что сам факт создания такого мощного слоя зажиточного джентри в трудные и тревожные времена перед «Великим мятежом», наступление которого предчувствовалось на всех уровнях общества того времени, искупал для владельцев поместного комплекса некоторые потери материального плана, связанные, в частности, с отсутствием фэйнов при вступлении «благородных» на копигольд.

Тем более что номинальные собственники этого огромного комплекса маноров, к которым относились как короли Англии (ведь Рочдейл зафиксирован в описях в качестве королевских владений), так и те представители феодальной знати (включая генерального атторнея короны Роберта Хита, при котором в 1626 г. были составлены описи, и предков английского поэта Дж. Байрона, к которым эти поместья отошли в дальнейшем), которые являлись «реципиентами» земель от короны, имея право собственности на десятки тысяч акров вполне плодородных земель, приносящих их держателям неплохой доход, сами не реализовывали этого права реально. De facto они делегировали реализацию этого права (через администрацию маноров) представителям *второго ряда* собственников, той самой местной элите, состоявшей из благородных фригольдеров, о которой идет речь. Именно представители этой провинциальной элиты составляли особый, «ланкаширский», вид нового дворянства Англии периода аграрной революции. Еще и еще раз подчеркну, что они были значительно скромнее своих собратьев из других регионов страны. Не являясь членами заморских компаний, не вкладывая капиталов в корпорации национального масштаба, не насаждая мануфактур и даже не проводя заметных огораживаний, они, тем не менее, упорно округляли свои владения, акр за акром собирая вполне легальным путем, через манориальную курию, земли самых разных юридических статусов, включая крестьянский копигольд и земли «последних вилланов».

Ввиду наличия выявленного нами процесса проникновения местной элиты на крестьянский копигольд, описи являют картину необычной «скудости» этого копигольда в Ланкашире (особенно если сравнивать его с относительно процветающим копигольдом владений графов Пемброков в Уилтшире). Несмотря на значительное количество держателей крестьянского типа, которые составляли в Рочдейле 80,8% всех копигольдеров, в их руках было сосредоточено всего 49,8% площади держания по обычаю. Уже эта, весьма явная диспропорция между численностью держателей крестьянского копигольда и размерами их земельной площади, свидетельствует о неблагополучии в среде ланкаширского крестьянства, если критерием благополучия считать пусть уж не верхнюю границу крестьянского землевладения в 120 акров, то хотя бы надел в две виргаты (60 акров), традиционно расценивавшийся в отечественной историографии в качестве верхнего предела среднего по размерам крестьянского держания. Свидетельством скудости наделения крестьян Ланкашира землей является и такой «технический» показатель как средняя площадь крестьянского участка по всему комплексу маноров. Согласно произведенным расчетам, в Рочдейле он был равен всего лишь 14,8 акра (в то время как идентичный «показатель» в манорах Пемброков того же времени равнялся 62 акрам – и это при том, что мы считали и крестьянство юго-западной Англии, ввиду явно проявлявшейся в его среде дифференциации, не вполне «благополучным» с точки зрения обеспеченности землей).

Но удивительна не только сама по себе выявленная в исследовании «скудость» землевладения и землепользования крестьян-копигольдеров Ланкашира, но и весьма специфичная дифференциация, имевшая место в их среде. Эта дифференциация протекла совсем не классически, не так, как в других регионах страны, включая и Юго-Запад. Ведь мы привыкли к процессам классического типа, влекущим за собой возможность фиксации в источниках хотя и «размытого», но довольно стабильного слоя середнячества и, при наличии значительных пластов малоимущих, присутствие также и

основательного слоя зажиточного крестьянства. В манорах же Рочдейла вместо этого мы выявили «уродливую», однобокую поляризацию крестьянской деревни: чрезмерное преобладание бедноты, немногочисленный и слабый слой держателей-середняков и почти полное отсутствие сельских богатеев-крестьян. Так, в целом слой зажиточных крестьян-копигольдеров, хозяйствовавших на земельной площади в 60-120 акров, составлял всего 4,2 % общей численности обычных держателей крестьянского типа; при этом они сосредоточили в своих руках лишь 28,8% всей площади копигольда. В манорах же Пемброков на Юго-Западе данный слой был куда более плотным, составляя 34,8% численности представителей крестьянского копигольда, которые сосредоточили в своих руках целых 62% этого вида держания.

В то же время, если обратиться к обычным держателям Рочдейла, чьи участки не превышали 15 акров, то окажется, что таковых в манорах насчитывалось до 71% всего состава крестьян-копигольдеров, в руках которых находилось лишь 25,8% площади копигольда. О чем свидетельствует столь явная диспропорция? О том, что представителям указанной категории явно не хватало земли, их душил земельный голод. Напомню, что в манорах Пемброков на Юго-Западе Англии в 30-е гг. XVII в. насчитывалось лишь 26,1% держателей, чьи наделы не превышали границы в 15 акров.

Такая однобокая поляризация (по сути – коттеризация) ланкаширской деревни тем более удивительна, что она не была связана, как в центральных регионах страны, с разрушительным воздействием огораживаний или, как на Юго-Западе, – с «ненормированным» повышением файнов за допуск к держанию в момент смены копий. Вполне очевидно, что наличие такого мощного слоя малообеспеченного землей крестьянства в поместье Рочдейл было напрямую связано с проникновением на копигольд представителей местной владельческой элиты. Благородные фригольдеры, те самые «легальные скваттеры», о которых речь шла выше, оформляя в курии

документы на те или иные участки копигольда, тем самым лишали значительной части земли самих держателей по обычаю. Недаром землевладение джентри на копигольде Рочдейла достигало почти 50% его площади! Более того, подчас эти, пользовавшиеся широкими правами в манорах представители локальной владельческой элиты, «капризничали», иногда возвращая (через курию) крестьянам участки «обычной» земли, приносившей недостаточно высокий доход. Этот выявленный процесс обратной сдачи в курии участков нерентабельного копигольда, отказа от него лицами благородного происхождения – процесс, который, очевидно, не являлся массовым и повсеместным (судя по достаточно эпизодическим проявлениям его в описях), мог, тем не менее, вносить некоторые коррективы в земельные «передвижки» и тем самым влиять на специфику реального обеспечения землей в манорах.

Делегированные номинальными собственниками Рочдейла представителям местной элиты (в составе которой была, по всей видимости, и администрация маноров) права были столь высоки, что в их число входило, как выяснилось на основе анализа рентных отношений в среде держателей, и право освобождать этих держателей от выплаты в курию ежегодных денежных взносов. Так, в частности, от выплаты ежегодных рент были освобождены целых 2/3 всех крестьян копигольдеров Рочдейла. Это весьма необычное явление явно локального «масштаба». Мы не наблюдали массового характера подобного явления в процессе исследования огромных земельных массивов графов Пемброков в юго-западной Англии, на территории которых ренты, наоборот, поднимались косвенным образом (за счет «взвинчивания» фэйнов за допуск) до уровня рыночных цен. Не свидетельствуют о практике массового освобождения от рент в период аграрной революции и данные исследований, относящихся к центральной и восточной Англии. Напротив, для указанного периода распространенной была либо практика «консервации» рент (процесс, в котором проявлялась сдерживающая, охранительная роль обычая), либо практика прямого или

скрытого их повышения (в последнем случае – также за счет увеличения файнов).

Наше исследование показывает, что в ланкаширских манорах Рочдейла крестьянство могло быть освобождено от рент в следующих случаях:

1. От выплаты рент в указанном регионе Англии освобождали копигольдеров крестьянского типа, связанных реверсией или передачей земли через курию с представителями местной «держательской» элиты, состоявшей из лиц благородного происхождения, чей основной социальный статус в маноре к тому же основывался, как правило, на владении крупными участками фригольда. Очевидно, отношения патронажа и покровительства, связывавшие владельцев этих крупных «локальных вотчин» (своего рода «маноров внутри маноров») со скромными в имущественном отношении копигольдерами могли являться для представителей манориальной администрации побудительным мотивом для проявления избирательного отношения к последним в отношении исполнения ими служб и повинностей в маноре.

2. От выплаты рент нередко освобождали также тех копигольдеров, держания которых характеризовались низким уровнем годового дохода. Анализ источников позволяет выявить уже отмеченный выше скрытый процесс «обратной сдачи» в курии «нерентабельного», бездоходного копигольда, процесс отказа от него лицами благородного происхождения. Вполне вероятно, что после оформления таких «передач» в курии, реципиентов (держателей по обычаю) и могли освобождать от повинностей с тем, чтобы способствовать хотя бы простому воспроизводству их хозяйств.

3. Основанием для освобождения от выплат могло являться и совмещение «держательских» статусов внутри манора. Так, держатели по копии манориального суда могли не выплачивать рент в тех случаях, когда «добавочный» статус крестьянина основывался на договоре об аренде, а тем более – в случае фригольда – базировался на фундаменте общего права.

Совмещение статусов, таким образом, могло прибавлять держателю «крестьянской свободы» в отношении несения повинностей.

4. От выплаты годовых рент освобождались также вдовы, что не противоречило нормам местного обычая, включавшего, в качестве одной из «позиций» так называемое «право вдовы», основой которого и являлась свобода от несения части повинностей для тех, кто оставался без кормильца. В наших манорах оно достаточно очевидно превалировало над «волей лорда».

5. Можно также считать, что освобождению от выплаты рент подлежали больше «срочные» копигольдеры, чем те, чьи держания носили наследственный характер. Очевидно, «срочный» копигольд, который по сравнению с наследственным был более подвержен переходам из рук в руки, в глазах администрации манора мог представлять как наиболее слабое звено в «держательской цепи», которое также нуждалось в охранительном отношении со стороны тех, кто на самом деле заботился не столько о крестьянском, сколько о господском хозяйстве.

Итак, еще раз подчеркну, что 2/3 ланкаширского крестьянства были освобождены от выплаты рент, а также фэйнов, герриотов, натуральных рент и отработок. Выплачиваемые одной третьей частью крестьян ренты были абсолютно невысоки: их уровень составлял лишь 1,5d/акр (в манорах Пемброков эта цифра – при массовом характере выплат – равнялась целым 3,3 d/акр.). Так что, как выяснилось, данное имение было бездоходным для его собственников, хотя очень даже доходным для держателей, хозяйствовавших на землях Рочдейла, особенно для представителей местного джентри. Если доход короны, поступавший с указанных земель в виде рент, составлял лишь 55,5 фунтов, то доход самих держателей превышал его в 150 раз, составляя почти 8400 фунтов. Возникает впечатление, что номинальные владельцы Рочдейла спешили избавиться от своих бездоходных поместий, не имея возможности (или не желая), подобно графам Пемброкам в их образцовых манорах на Юго-Западе, заниматься капитализацией этих

поместий. Так, вдобавок к вышеизложенным фактам, в Рочдейле – вопреки «общеанглийской» тенденции периода аграрного капитализма – не сдавали земель в аренду. Поместье часто передавали из рук в руки, а многие важные вопросы внутриманориальной жизни (включая вопрос о «назначении» рент) отдавали на откуп администрации маноров.

С другой стороны – хочется подчеркнуть это еще раз – сама бездоходность огромного комплекса ланкаширских земель была, очевидно, для короны и ее «адептов» (в лице Хитов и Байронов) не столько причиной, сколько следствием целенаправленной политики формирования (в период перед Великим мятежом) сверхзажиточной, властной локальной элиты, на которую можно было опереться. Ради формирования мощного слоя земельных собственников, весьма лояльно относящихся к крестьянству данного региона, можно было пожертвовать доходностью королевского домена. Так что, возможно, что стратегия «землеустройства» короны в период пролога Великого мятежа включала не только практику продажи доменов с целью пополнения казны, что неоднократно отмечалось в историографии, но и практику реальной и почти безвозмездной сдачи их в распоряжение дворянских локальных элит, в укреплении которых королевская власть вполне могла быть заинтересована, тем более в период конфликтов с Парламентом первой трети XVII в. Недаром впоследствии, в период Гражданских войн, северные графства Англии поддержали Карла I – законного короля Англии. Между прочим, сама возможность подобных выводов, сделанных на основе анализа таких источников как описи и рентали, свидетельствуют, как представляется, о том, что документы манориальной истории, при условии применения к ним специальной методики исследования, могут являться более чем надежными и репрезентативными источниками для обобщений не только чисто «экономического», но и социально-политического характера.

Что же касается юго-западного региона Англии и, в частности, владений графов Пемброков в графстве Уилтшир практически в то же самое

время (30-е гг. XVII в.), то пропорции между доходами собственников земли и доходами ее держателей были там совершенно иными (несмотря на почти одинаковую площадь исследованных манориальных комплексов)¹.

Пемброки, в сословном отношении принадлежавшие к высшей титулованной аристократии, но по типу хозяйственного использования земли тяготевшие, скорее, к новому дворянству Англии, с такого традиционного вида держания, каким являлся копигольд, получали доход (в виде одних лишь «обычных» рент), составлявший 296,5 \leq . Баснословный доход поступал в их бюджет и в виде вступных фэйнов, общая сумма которых лишь на копигольде составляла в указанное время 12568,5 \leq .

Таким образом, в виде годовых денежных рент и фэйнов (без учета стоимости геридов и рент натуральных) Пемброки получали доход, выразившийся в сумме 12865 \leq . Кроме того, 5627,3 \leq ежегодно приносила аренда. Следовательно, совокупный доход с земли 17 маноров владельческого комплекса равнялся сумме 18492,3 \leq ; она более чем в 333 раза превышала доходность владений короны, сосредоточенных в манориальном комплексе Рочдейл в Ланкашире.

Совокупный же доход *держателей* (копигольдеров и арендаторов) владений Пемброков составлял в 30-е гг. XVII в., согласно нашим подсчетам, цифру 8248,2 \leq^2 . Таким образом, кратность между доходностью земли владельцев маноров и доходностью земли их держателей составляла цифру 2,2. Баланс складывался определенно в пользу Пемброков как образцовых хозяев владений частновотчинного типа, не забывавших, однако, вполне рационально подходить и к проблеме «воспроизводства» хозяйств собственных держателей (о чем, несомненно, свидетельствует очень высокий доход хозяйств самих крестьян).

¹ Напомню, что площадь владельческого комплекса Рочдейл составляла, по нашим подсчетам, в общей сложности более 38000 акров, а площадь владений Пемброков в Уилтшире – около 35000 акров.

Таким образом, мы не наблюдаем в Уилтшире «многоступенчатой» владельческой иерархии, как это было в Рочдейле. Отношения прямой зависимости в частновотчинных владениях, организованные по типу «лорд-крестьянин», были, пожалуй, более эффективными в отношении развития аграрного капитализма, нежели сложная владельческая иерархия на коронных землях в ланкаширском поместье Рочдейл.

Думается, с этими обстоятельствами в определенной мере была связана и специфика протекания указанного процесса в каждом из изучаемых регионов.

Нам осталось, подводя итоги, остановиться еще на арендных отношениях раннего Нового времени. Как уже указывалось, в Рочдейле, ввиду отмеченных особенностей «держательской ситуации», совершенно не зарегистрировано аренды (имеется лишь несколько случаев таковой), в то время как этот вид поземельных отношений вполне процветал во многих ареалах предреволюционной Англии, включая ее юго-западный регион. Наши источники по Уилтширу позволили нарисовать любопытную картину развития аренды в этом регионе.

Так, в частности, выяснилось, что главным проводником отношений договорного типа в уилтширской предреволюционной деревне являлось местное дворянство. На долю дворянской аренды, расположенной преимущественно на домениальном клине, приходилось до 70-90% общей площади земель, зарегистрированных в описях в качестве лизгольда. В состав таких крупных аренд (средняя площадь которых по комплексу маноров составляла 500 акров) входили не только пахотные, но и пастбищные земли, позволявшие вести хозяйство, связанное с выпасом овец и использованием их шерсти в коммерческих целях. Сроки такой крупной аренды были еще достаточно длительными для того, чтобы приносить доход не только манориальным лордам, но и самим благородным арендаторам,

² Он был почти идентичным доходу держателей Рочдейла (8400 \leq). Разница состояла, однако, в том, что в последнем случае доход формировался в основном за счет

которые могли присваивать себе избыток над относительно неподвижной рентой, образовывавшейся вследствие отсутствия стабильности рыночных цен. Иногда эти сроки достигали 50-70-99 лет. И это в то время, когда на арендах краткосрочных (7-21 год) хозяйствовал мелкий люд – крестьяне, обладатели незначительных наделов земли. То есть можно говорить об определенном соответствии между сословным статусом арендаторов и длительностью сроков аренды. Джентльмены не просто стремились к крупной аренде пастбищного типа; они обеспечивали себе максимально удобные «временные условия» для хозяйствования, стараясь «врастяжку», то есть в течение весьма длительных сроков, достигавших 99 лет, выплачивать фиксированные договором ренты, которые, ввиду этой долговременной «фиксации», оставались невысокими. Терпеть превратности скачков рыночной конъюнктуры приходилось крестьянам – обладателям краткосрочных аренд.

В обширных владениях Пемброков в графстве Уилтшир постепенное развитие капиталистических отношений выражалась не столько в форме проникновения дворян на территорию фригольда и особенно копигольда (как это было в манорах поместья Рочдейл в Ланкашире), сколько в форме внедрения «благородных» на сдаваемый манориальными лордами в аренду домениальный клин, на земле которого они и устраивали свои хозяйства. Речь в значительной мере идет о том процессе, который Р.Г.Тоуни назвал «ростом джентри», имея в виду усиление экономического могущества части дворянства Англии, совмещавшего получение традиционной ренты с интенсивным накоплением раннекапиталистической прибыли – и прежде всего на основе развития крупной коммерческой аренды.

Однако специфика развития отношений договорного типа в предреволюционной Англии в целом и на ее Юго-Западе в частности, могла состоять и в развитии крестьянской аренды на держательском клине. Так, выяснилось, что за прошедшие между составлением двух сводов описей

поступлений с фригольда, а не с копигольда и аренды, как в манорах Пемброков.

поместий Пемброков годы, крупную аренду несколько потеснил средний и мелкий лизгольд крестьянского типа. Эта «демократизация» аренды, свидетельствующая о дальнейшем развитии ее коммерческого характера, как выяснилось на основе подсчетов, явилась итогом превращения в лизгольд копигольда (и даже, как мы отмечали выше, – фригольда), причем преимущественно в двух крупных манорах владельческого комплекса – Балбридже и Уайли. Очевидно, в интересующий нас период у манориальных лордов имелся в наличии некий механизм, с помощью которого можно было, невзирая на многовековые обычаи, «модернизировать» аграрные отношения по капиталистическому образцу, насильственно низводя держателей по обычаю в ранг арендаторов «на воле лорда». При этом в качестве вознаграждения, компенсации за «согласие» сменить статус держаний бывшим копигольдерам, как выяснилось из работы, связанной со сравнительным анализом сроков лизгольда, «назначались» весьма длительные, подчас доходившие (как и в случае крупной домениальной арендой «благородных») до 99 лет, сроки аренды.

Анализ рентных отношений как на клине дворянского лизгольда, так и на клине крестьянской аренды показал, что механизм приведения арендных платежей в соответствие с колебаниями рыночной конъюнктуры моделировался в изученных манорах Юго-Запада Англии по типу соответствующих «операций», характерных для традиционных держаний по обычаю. Для бесперебойной работы этого механизма огромную роль (так же, как на копигольде) играло произвольное повышение файнов за допуск, с помощью которых, в сущности, и происходила «коммерциализация» земельных отношений в предреволюционной английской деревне. Возрастание и арендных плат, и файнов арендаторов за три четверти века в манорах Пемброков почти в 8 раз свидетельствует, несомненно, о повышении «коммерческой ценности» нетрадиционных, договорного типа отношений в аграрном строе юго-западного региона – отношений, которые позволяли лордам (и именно при условии «взвинчивания» вступных

платежей) наиболее динамично реагировать на изменение рыночной конъюнктуры.

Наш анализ развития арендных отношений на Юго-Западе имел не только «прикладной» характер. На основе конкретных исследований источников манориальной истории по поводу эволюции лизгольда, удалось, как кажется, сделать и некоторые обобщения теоретического характера, систематизация которых может оказаться вполне полезной для дальнейших изысканий в этой области.

Так, в частности, удалось показать, что развитие аренды раннего Нового времени уместно изучать не столько на основании использования такого критерия как площадь лизгольда, сколько на основании анализа основного (в аграрной сфере) производственного отношения – рентного.

Как представляется, ренту арендаторов периода аграрной революции в Англии (XVI – первая треть XVII вв.) рано именовать «избытком над средней прибылью». Эта рента, похоже, просто все еще была *денежной формой феодальной ренты*, то есть тяготела к тому, чтобы являться, как и в случае копигольда, «нормальной формой прибавочной стоимости». Что имеется в виду?

Как показано в исследовании, ренты арендаторов можно было бы считать «чисто капиталистическими», если бы они *фактически* оказывались твердыми, фиксированными, то есть выплачиваемыми лорду в пределах той суммы, которая была фиксирована в договоре.

Но в нашем случае, ввиду того, что дополнительно к формально фиксированной договором арендной плате (ренте) арендаторы, как будто *бы* они являлись копигольдерами или даже средневековыми вилланами, должны были выплачивать лорду еще и чрезвычайно высокие *файны*, сама природа «капиталистической арендной платы» искажалась, поскольку практически рентные отношения между арендатором и лордом низводились до уровня феодальных. Получалось, что, подобно средневековому крестьянину, который был вынужден отдавать лорду в виде ренты не только прибавочный,

но нередко и часть необходимого продукта, арендатор первой трети XVII столетия также, ввиду наличия фэйнов, дополнительно к фиксированной договором ренте, выплачивал лорду то, чем не был обязан (во всяком случае, не должен бы был быть обязан как арендатор капиталистического типа), поскольку высокие суммы фэйнов «вмещали» и ту часть прибавочного продукта, которая могла бы быть использована на личное потребление арендатора, на расширение производства и, в частности, – на оплату наемных рабочих. Ренты арендаторов были, таким образом, по характеру и типу их взимания, все еще «генетически» близки платежам традиционных держателей. *Видимо, фактор внеэкономического принуждения в отношениях между арендаторами и лордами в изучаемое время, как и встарь, продолжал играть весьма значительную роль, - иначе арендаторы не соглашались бы на выплату фэйнов, а тем более гериотов и даже - несение отработок, зафиксированных в источниках в качестве их повинностей.*

Конечно, не отработки определяли содержание арендных отношений в указанное время, но самое наличие упомянутых выше повинностей в среде арендаторов свидетельствует о том, что до «чистого» капитализма в аграрной сфере было еще очень далеко. *«Поворотный момент», который мог бы свидетельствовать о превращении феодальной ренты арендаторов в ее денежной форме в ренту капиталистическую, или был явно впереди, или лишь слабо намечался в исследуемый период. Ясно, что в XVI - первой трети XVII вв. ренты арендаторов еще не представляли собой избытка над средней прибылью. Я думаю, мы не должны модернизировать этот период аграрной и социальной истории Англии: ведь мы только что видели, что в сфере основного производственного отношения – рентного – все еще действовали механизмы, характерные, скорее, для феодального времени. Во всяком случае, рентные отношения на аренде моделировались явно по типу копигольда – этого традиционного, ведущего свое происхождение от средневекового вилланства, вида держания.*

Несомненно, поэтому, что без уничтожения средневекового наследия в аграрной сфере, то есть без уничтожения самой «модели» – копигольда – (другими словами – без превращения его в свободное держание на общем праве) не только обычные держатели не могли обезопасить себя от угрозы экспроприации, но и капиталистические отношения, постепенно прививавшиеся в предреволюционной английской деревне, не могли полностью развиться в условиях сохранения господства «воли лорда».

Итак, в ходе анализа арендных отношений на Юго-Западе Англии как будто бы удалось показать, что они не имели во второй половине XVI – первой трети XVII в. чисто «капиталистического» характера – и во многом по той причине, что арендные платы лизгольдеров были «отягощены» платежами феодального происхождения.

Действительно, с одной стороны, нельзя не констатировать явного укрепления позиций раннекапиталистического лизгольда в юго-западной части предреволюционной Англии. Об этом свидетельствуют следующие наблюдения, полученные на основании исследования источников: 1. «демократизация» аренды – сдача по договору не только домениальной земли (хотя на ней и расположены крупные дворянские аренды), но и держательского клина, по преимуществу – «обычной» земли, что являлось «материальной основой» для закрепления тенденции к превращению крестьянства в арендаторов на воле лорда; 2. наличие краткосрочных договоров; 3. высокий удельный вес пастбищного хозяйства в составе аренды; 4. использование в значительных масштабах наемного труда (коттеров, субдержателей); 5. вторжение «джентри» на территорию аренды, по преимуществу «новодворянский» ее характер.

С другой стороны, этот вид поземельных отношений был в значительной степени отмечен реликтами феодального прошлого, нередко напоминая традиционное держание по обычаю манора. Об этом свидетельствует 1. однотипный с копигольдом механизм взимания рент и вступных файлов; 2. наличие натуральных рент, гериотов и даже отработок;

3. нередко – моделирование сроков аренды по типу копигольда на «сроки жизни»; 4. значительный «процент» долгосрочных договоров; 5. частично домениальный характер аренды и т.д.

Очевидно поэтому, что капиталистические отношения, которые развивались в английской предреволюционной деревне, отличаясь в изучаемый период переходным характером, не могли полностью раскрыть свои возможности в условиях юридического и политического господства воли лорда.

Список источников и литературы

Источники:

1. *The Survey of the Manors of Rochdale in the County of Lancaster, parcel of the Possessions of the Worshipful Sir Robert Heath, Knt., His Majesty's Attorney General, made in 1626. Ed. by Henry Fishwick. The Chetham Society. Manchester, 1913. Manor Castleton. P. 2-13.*
2. Manor Marland. Ibid. P. 14-17.
3. Manor Newbold. Ibid. P.17-22.
4. Manor Beursill. Ibid. P. 22-34.
5. Manor Butterworth. Ibid. P. 35-81.
6. Manor Clegg. Ibid. P. 71-76.
7. Manor Hollingworth. Ibid. P. 76-81.
8. Manor Hundersfield. Ibid. P. 82-96.
9. Manor Wuerdale. Ibid. P. 96-103.
10. Manor Wardle. Ibid. P. 103-114.
11. Manor Blatchjngworth. Ibid. P. 114-133.
12. Manor Walsden. Ibid. P. 134-150.
13. Manor Todmorden. Ibid. P.150-162.
14. Manor Falinge. Ibid. P. 163-172.
15. Manor Chadwick. Ibid. P. 172-182.
16. Manor Spotland. Ibid. P. 182-207.
17. Manor Wolstenholme. Ibid. P. 205-225.
18. Manor Healy. Ibid. P. 225-233.
19. Manor Whiteworth. Ibid. P. 233-247.
20. Manor Rossendale. Ibid. P. 250-254.
21. *Survey of the Lands of William the First Earl of Pembroke, 1566-1567. Oxford, 1909. Ed. by Ch. Straton. 2nd roll. Manor Bulbridge. P. 237-241.*
22. *Survey of the Lands of William the First Earl of Pembroke, 1566-1567. Oxford, 1909. Ed. by Ch. Straton. 1st roll. Manor Broad Chalke. P. 61-95.*
23. *Survey of the Lands of William the First Earl of Pembroke, 1566-1567. Oxford, 1909. Ed. by Ch. Straton. 2nd roll. Manor Dinton and Teffont. P.216-231.*
24. *Survey of the Lands of William the First Earl of Pembroke, 1566-1567. Oxford, 1909. 1st roll. Manor Fuggleston. P. 48-60.*
25. *Survey of the Lands of William the First Earl of Pembroke, 1566-1567. Oxford, 1909. 1st roll. Manor Stanton Bernard. P.129-140.*
26. *Survey of the Lands of William the First Earl of Pembroke, 1566-1567. Oxford, 1909. 1st roll. Manor West Overton. P. 140-148.*
27. *Survey of the Lands of William the First Earl of Pembroke, 1566-1567. Oxford, 1909. 2nd roll. Manor Wyley. P. 277-284.*
28. *Survey of the Lands of William the First Earl of Pembroke, 1566-1567. Oxford, 1909. 1st roll. Manor Alvedistone. P. 95-101.*

29. Survey of the Lands of William the First Earl of Pembroke, 1566-1567. Oxford, 1909. 2 nd roll. Manor Bishopstone. P.198-305.
30. Survey of the Lands of William the First Earl of Pembroke, 1566-1567. Oxford, 1909. 1 st roll. Manor Chilmark and Ridge. P. 117-129.
31. Survey of the Lands of William the First Earl of Pembroke, 1566-1567. Oxford, 1909. 1 st roll. Manor Burcombe (Brudercombe). P.40-48.
32. Survey of the Lands of William the First Earl of Pembroke, 1566-1567. Oxford, 1909. 2 nd roll. Manor Wilton (and it's suburbs). P. 206-215.
33. *Survey of the Manors of Philippe the First Earl Pembroke and Montgomery, 1631-1632. Devizes, 1953. Wiltshire Archaeological and Natural History Society. Records Brunch. Vol. 9. Ed. by E. Kerridge. Manor Bulbridge. P.20-29.*
34. Manor Broad Chalke. Ibid. P. 30-45.
35. Manor Dinton and Teffont. Ibid. P.46-55.
36. Manor Fovant. Ibid. P. 56-63.
37. Manor Fugglestone. Ibid. P. 64-70.
38. Manor Netherhampton. Ibid. P. 70-75.
39. Manor Stanton Bernard. Ibid. P. 76-87.
40. Manor Stock Farting. Ibid. P. 87-96.
41. Manor West Overton. Ibid. P. 97-102.
42. Manor Wilton. Ibid. P. 103-106.
43. Manor Wyley. Ibid. P. 107-119.
44. Manor Alvedistone. Ibid. P. 120-127.
45. Manor Barford. Ibid. P. 128-135.
46. Manor Bishopstone. Ibid. P. 136-147.
47. Manor Chilmark and Ridge. Ibid. P. 148-160.
48. Manor Flamstone. Ibid. P. 161-170.
49. Manor Burcombe. Ibid. P. 170-177.
50. Court Rolls of the Manor of Bruces, Dawbeneys, Pembrokes: 1377-1399 // Manor of Tottenham Series. Tottenham, 1961.
51. Borough Customs. Seldon Society. Ed. by M. Bateson. L., 1904-1906. In 2 vol-s.
52. The Vicars of Rochdale, ed. by H. Howorth. Part I. Printed for Chetham Society. Manchester, 1883.
53. Fleta. Of the Offices in the Manor // Fleta, Vol. 2: Book 1, Book 2. Ed. and tr. By H.G. Richardson, G.O. Sayles. L., 1955.
54. Littleton T. Tenures. L., 1581.
55. Norden J. The Surveyor's Dialogue. L., 1618.
56. Coke E. The First Part Of the Institutes of the Laws of England or a Commentarie upon Littleton. L., 1628. Book I. Ch. 9. Section 73.
57. Wilson T. The State of England. A.D. 1600 // Camden miscellany. 3-d ser. L., 1936.
58. Blackstone W. Commentaries on English Laws. L., 1765-1769.

Литература:

1. Авдеева К.Д. Внутренняя колонизация и развитие феодализма в Англии XI-XIII вв. Л., 1973.
2. Архангельский С.И. Аграрное законодательство Великой Английской революции 1643-1648 гг. М., Л., 1935.
3. Архангельский С.И. Аграрное законодательство Великой Английской революции 1649-1660 гг. М., Л., 1940.
4. Архангельский С.И. Крестьянские движения в Англии в 40-е – 50-е гг. XVII в. М., 1960.
5. Архангельский С.И. Уилтширские маноры Филиппа, первого эрла Пемброка и Монтгомери по описи 1631-32 гг. // Ученые записки Горьковского государственного университета. 1959. Вып.46.
6. Барг М.А. Исследования по истории английского феодализма в XI-XIII вв. М., 1962.
7. Барг М.А. Английская революция и судьбы крестьянского землевладения // Средние века. Вып.5, 1964.
8. Барг М.А. Народные низы в Английской буржуазной революции XVII в. М., 1967.
9. Барг М.А. К вопросу о начале разложения феодализма в Западной Европе (о некоторых закономерностях феодальной денежной ренты) // Вопросы истории. 1963. №3.
10. Барг М.А. Проблемы социальной истории в освещении современной западной медиевистики. М., 1973.
11. Барг М.А. Категории и методы исторической науки. М., 1984.
12. Барг М.А., Авдеева К.Д. Еще раз о переходе от феодализма к капитализму (По поводу одной международной дискуссии на страницах журнала "Past and Present") // Экономическая история. Проблемы и исследования. М., 1987.
13. Виноградов П.Г. Исследования по социальной истории Англии в средние века. Спб., 1887.
14. Виноградов П.Г. Средневековое поместье в Англии. Спб., 1911.
15. Виноградов П.Г. Экономические теории средневековья // История экономической мысли. Т.1, выпуск 3, 1916.
16. Винокурова М.В. Английское крестьянство в канун буржуазной революции середины XVII в. (на материалах графства Уилтшир). М., 1992.
17. Глебов А.Г. Англия в раннее средневековье. Воронеж, 1998.
18. Гуревич А.Я. Крестьянство Юго-Западной Англии в донормандский период. Дисс. ... канд. истор. наук. М., 1950.
19. Гутнова Е.В. Историография истории средних веков. М., 1985.
20. Гутнова Е.В. Классовая борьба и общественное сознание крестьянства в средневековой Западной Европе. М., 1984.
21. Дмитриева О.В. Социально-экономическое развитие Англии в XVI в. М., 1990.

22. Дмитриева О.В. Английское дворянство в XVI - начале XVII в.: границы сословия // Европейское дворянство XVI-XVII вв.: границы сословия. М., 1997.
23. История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Т. 2. М., 1986.
24. Ковалевский М.М. Общественный строй Англии в конце средних веков. М., 1880.
25. Ковалевский М.М. Поворотный момент в истории землевладения и землевладельческих классов в Англии // Историческое обозрение. Т.3. 1891.
26. Ковалевский М.М. Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства. В 3-х томах. М., 1896-1903.
27. Ковалевский М.М. От прямого народовластия к представительному и от патриархальной монархии к парламентаризму. М., 1906.
28. Ковалевский М.М. Причины обезземеления крестьян в Англии // Вестник Европы, 1909, №№ 11, 12.
29. Ковальченко И.Д. (ред.) Математические методы в историко-экономических и историко-культурных исследованиях. М., 1977.
30. Кондратьев С.В. Юристы в Англии XVI-XVII вв. Тюмень, 1993.
31. Косминский Е.А. Английская деревня в XIII в. М., Л., 1935.
32. Косминский Е.А. Исследования по аграрной истории Англии XIII в. М., Л., 1947.
33. Косминский Е.А., Левицкий Я.А. (ред.) Английская буржуазная революция XVII в. М., 1954.
34. Косминский Е.А. Основные проблемы западноевропейского феодализма в советской исторической науке. М., 1955.
35. Лавровский В.М. Парламентские огораживания общинных земель в Англии. М., Л., 1940.
36. Лавровский В.М. Проблемы исследования земельной собственности в Англии XVII-XVIII вв. М., 1957.
37. Лавровский В.М., Барг М.А. Английская буржуазная революция. М., 1958.
38. Лавровский В.М. Исследование по аграрной истории Англии XVII-XIX вв. М., 1966.
39. Ле Руа Ладюри Э. Монтайю. Окситанская деревня (пер. с французского). Екатеринбург, 2001.
40. Левин Г.Р. Движение левеллеров в Английской буржуазной революции. (Исследование по истории демократического движения в Англии 40-х гг. XVII в.). М., 1966.
41. Левицкий Я.А. Город и феодализм в Англии. М., 1987.
42. Митрофанов В.П. Аграрная политика Тюдоров и Стюартов (вторая половина XVI – начало XVII в.). Автореферат дисс. ... канд. истор. наук Л., 1987.
43. Митрофанов В.П. Вопрос об огораживаниях в английском парламенте (конец XVI – начало XVII в.) // Проблемы истории Западной Европы развитого и позднего феодализма. Иваново, 1986.

44. Мягков Г. П. Научное сообщество в исторической науке: опыт «русской исторической школы». Казань, 2000.
45. Нарзикулов И. Английский манор XVI-XVII вв. в трудах А.Н. Савина и современное состояние проблемы. Автореферат дисс. ... канд. истор. наук. Киев, 1967.
46. Петрушевский Д.М. Очерки из истории английского государства и общества в средние века. М., 1917.
47. Петрушевский Д.М. Восстание Уота Тайлера. Очерки из истории разложения феодального строя в Англии. М., 1937.
48. Попов-Ленский И.Л. К вопросу об огораживаниях общинных земель в Англии XVII в. // Уч. зап. Ин-та истории РАНИОН. 1929. Т.3.
49. Поршнева Б.Ф. Очерк политической экономии феодализма. М., 1956.
50. Поршнева Б.Ф. Феодализм и народные массы. М., 1964.
51. Репина Л.П. Сословие горожан и феодальное государство в Англии XIV века. М., 1979.
52. Репина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. М., 1998.
53. Савин А.Н. Английская деревня в эпоху Тюдоров. М., 1903.
54. Савин А.Н. Английская секуляризация. М., 1906.
55. Савин А.Н. История двух маноров // ЖМНП. 1916. №4.
56. Савин А.Н. История одного восточного манора // Сборник статей в честь М.К. Любавского. Пг., 1917.
57. Сапрыкин Ю.М. Аграрная история Ирландии в период английского завоевания (XII-XIII вв.). Дисс. ... докт. истор. наук. М., 1963.
58. Сапрыкин Ю.М. Социально-политические взгляды английского крестьянства XVI – XVII вв. М., 1972.
59. Семенов В.Ф. Огораживания и крестьянские движения в Англии XVI в. М., 1949.
60. Семенов В.Ф. Положение обычных держателей Юго-Западной Англии во II половине XVI – начале XVII в. // Средние века. Вып. 25. 1964.
61. Сказкин С.Д. Очерки по истории западноевропейского крестьянства в средние века. М., 1968.
62. Соколова М.Н. Общественный строй Кента и Уэссекса в VII-X вв. Дисс. ... канд. истор. наук. М., 1952.
63. Ульянов Ю.Р. Оксфордширский манор Уотлингтон в 1086-1300 гг. (К вопросу об эволюции структуры и хозяйственной организации крупной светской вотчины в средневековой Англии) // Средние века. М., 1966, вып.29.
64. Ульянов Ю.Р. Образование и эволюция структуры манора Стонопа в XIV-XV вв. // Средние века. М., 1971-1972, вып. 34, 35.
65. Филиппов И.С. Средиземноморская Франция в раннее Средневековье. Проблема становления феодализма. М., 2000.
66. Хвостова К.В. Количественный подход к средневековой социально-экономической истории. М., 1980.

67. Штокмар В.В. Экономическая политика английского абсолютизма в эпоху его расцвета. М., Л., 1962.
68. Щеголев П.П. Учение Маркса о первоначальном накоплении // Карл Маркс и проблемы докапиталистических формаций. Изд. ГАИМК. 1934.
69. Acher R.W. Leasehold and Freehold Urban Land System. Canberra, 1973.
70. Addin C.Ch.W. Old Manor Houses. L., 1923.
71. Ashley W.J. An Introduction to Economic History and Theory. L., 1883.
72. Allison K.J. Flock Management in the XVI and the XVII centuries // EcHR. 2nd ser. Vol. XI.1958.
73. Ambler L. Old Halls and Manor Houses of Yorkshire. L., 1913.
74. Ashly W.J. The Bread of Our Forefathers. Oxford, 1928.
75. Ashley W.J. An Introduction to Economic History and Theory. L., 1888-1893: in 2 vol.
76. Ashton T.S. The Economic History of England: the XVIII century. New York, 1955.
77. Ault W.O. Open Field Farming in Medieval England. L., 1972.
78. Aylmer G.E. The King's Servants. The Civil Service of Charles I. L., 1961.
79. Barley M.W. The English Farmhouse and Cottage. L., 1961.
80. Batho G.D. The Finances of the English Nobleman // EcHR. 2nd ser. Vol. 9. 1957.
81. Bean J.M.W. The Decline of English Feudalism. Manchester, 1968.
82. Beckett J.V. English Landownership in the later XVII and XVIII centuries // EcHR. 2nd ser. XXX. № 4. 1977.
83. Beresford M.W. The Lost Villages in England. L., 1954.
84. Beresford M.W. The Deserted Villages of Northamptonshire. Leicester, 1966.
85. Beresford M.W. History of the Ground. Six Studies in Maps and Landscapes. L., 1965.
86. Beveridge L. Prices and Wages in England from the XII to the XIX century. L., 1939.
87. Blackstone W. Commentaries on English Laws. L., 1765-1768. In 4 vol.
88. Blackwood B.G. The Lancashire Gentry and the Great Rebellion. Manchester, 1978.
89. Blum J. The European Village as a Community // AH. XIV. №3. 1971.
90. Bonfield L. Marriage Settlements and the "rise of great estates" // EcHR. 2nd ser. XXXII. №4. 1979.
91. Bowden P.J. The Wool Trade in Tudor and Stuart England. L., 1962.
92. Bradley H. The Enclosures in England. An Economic Reconstruction. New York. 1968.
93. Branton D., Pennington D. Members of the Long Parliament. Cambridge. 1954.
94. Brenner G.S. The Inflation of Prices in England. 1551-1650 // EcHR. 2nd ser. Vol. 15. 1962.
95. Bridbury A.R. English Provincial Towns in the Latter Middle Ages // EcHR. 2nd ser. XXXIV. N 1. 1981.

96. Cameron A.D. *County People in the Agricultural Revolution*. Edinburgh, 1983.
97. Campbell M. *The English Yeoman under Elizabeth and Early Stuarts*. New Heaven, 1942.
98. Cannon M. *The Borough*. London, New York, 1995.
99. Chalklin G.W. *Seventeenth-Century Kent*. L., 1965.
100. Chambers F.D. *Population, Economy and Society in Pre-Industrial England*. Oxford, 1972.
101. Chambers I.A. *Internal Trade in England. 1500-1700*. L., 1977.
102. Clapham J.A. *A Concise Economic History of Britain from the Earliest Times to 1750*. Cambridge, 1949.
103. Clark P. (ed.). *The Early Modern Towns*. L., 1976.
104. Clark P. *English Provincial Society from the Reformation to the Revolution: Religion, Politics and Society in Kent. 1500-1640*. Hassocks, 1977.
105. Clark P., Slack P. *English Towns in Transition. 1500-1700*. L., 1976.
106. Clay C.G. *The Price of Freehold in the Later XVII and XVIII Centuries // EcHR. 2nd ser. XXXVII. №2*. 1974.
107. Clay C.G. *Economic Expansion and Social Changes: England 1500-1700*. Cambridge, 1984.
108. Cliff C.G. *The Yorkshire Gentry*. L., 1969.
109. Coke E. *Commentaries upon Littleton*. L., 1628.
110. Coleman D.C. *Labour in English Economy of the XVIII century // EcHR. 2nd ser. Vol. VIII*. 1955.
111. Coleman D.C. *The Economy of England. 1450-1750*. Oxford, 1977.
112. Coleman D.C. *History and Economic Past: An Account of the Rise and Decline of Economic History of England*. Oxford, 1987.
113. Cooper J.P. *Counting of Manors // EcHR. 2nd ser. VII. №3*. 1956.
114. Cooper J.P. *In Search of Agrarian Capitalism. Past and Present*. 80. 1978.
115. Cooper J.P. *Land, Men and Beliefs: Studies in Early Modern History*. L., 1983.
116. Cornwall J. *English Country Towns in the fifteen twenties // EcHR. 2nd ser. XV. №1*. 1962.
117. Cornwall J. *The Early Stuart Gentry // EcHR. 2nd ser. №3*, 1965.
118. Cornwall J. *English Population in the Early XVI century // EcHR. 2nd ser. 23. №1*. 1970.
119. Cunnington W. *The Growth of English Industry and Commerce in Modern Times*. Cambridge, 1892.
120. Curtler W. *Enclosure and Redistribution of Our Land*. L., 1920.
121. Darby H.C., Welldon Finn R. *The Domesday Geography of South-West England*. Cambridge, 1976.
122. Darby H.C. *The Draining of the Fens*. Cambridge, 1940.
123. Darby H.C. *A Historical Geography of England before A.D. 1800*. Cambridge, 1951.
124. Darby H.C. *A New Historical Geography of England*. Cambridge, 1973.
125. Davis R. *The Rise of English Shipping Industry*. L., 1962.

126. Dore R.N. *The Civil War in Cheshire*. Chester, 1966.
127. Duby J. *Rural Life and Economy in Medieval West*. In 2 vol. L., 1968.
128. Dyer Chr. *Small Towns, 1270-1540 // The Cambridge Urban History of Britain*. Cambridge, 2000.
129. Dyer Chr. *Small Places with Large Consequences: the Importance of Small Towns in England, 1000-1540 // Historical Research*, 75. 2002.
130. Elton G.R. *England under the Tudors*. L., 1978.
131. Elton G.R. *Studies in Tudor and Stuart Politics and Government*. Cambridge, 1974.
132. Ericson E. *Common Law versus Common Practice: The Use of Marriage Settlements in Early Modern England // ECHR*. 2nd ser. XLIII. 1990. P.24.
133. Ernle L. *English Farming. Past and Present*. L., 1961.
134. Everitt A. *The Community of Kent and the Great Rebellion. 1600-1660*. Leicester, 1966.
135. Everitt A. *The Local Community and the Great Rebellion*. L., 1969.
136. Faith R. *The English Peasantry and the Growth of Lordship*. London, Washington, 1997.
137. Finberg H.P.R. *Gloucestershire Studies*. Leicester, 1957.
138. Finch M.E. *The Wealth of Northamptonshire Families. 1540-1640*. Lamport, 1956.
139. Fisher H.A.L. *The History of England. 1485-1547*. L., 1906.
140. Fisher F.J. (ed). *Essays in Economic and Social History of Tudor and Stuart England*. Cambridge, 1961.
141. Fisher F.J. *London and the English Economy. 1500-1700*. L., 1990.
142. Flancher H.D. *Tudor Rebellions*. L., 1968.
143. Fussel G.E. *The English Rural Labourer*. L., 1949.
144. Gardiner S.R. *The Constitutional Documents of the Puritan Revolution. 1625-1660*. Oxford, 1889.
145. Gay E.F. *The Inquisitions of Depopulation in 1517 and the Domesday of Enclosure // TrRHS*. Vol. 14. 1900.
146. Gay E.F. *The Inquisitions of Depopulation in 1517 and the Domesday of Enclosure in England in the XVI century // Quarterly Journal of Economics*. Vol. XXVII. 1903.
147. Gould J.D. *The Great Depression in Early 1620s // ECHR*. 2nd ser. Vol. 7. 1954.
148. Gras N.S.B. *The Evolution of the English Corn Market*. Cambridge, 1915.
149. Gras N.S.B. *The Early English Customs Systems*. Cambridge, 1918.
150. Grassby R. *Social Mobility and Business Enterprises in XVII-th Century England // Puritans and Revolutionaries*. Oxford, 1978.
151. Gray Ch.M. *Copyhold, Equity and the Common Law*. Cambridge, 1963.
152. Griffiths L.E. *Freehold*. Dover, 1996.
153. Habakkuk H.J. *The Long-Term Rate of Interest and the price of the Land in the XVII century // ECHR*. 2nd ser. Vol. 5. 1952.
154. Habakkuk H.J. *Landowners and the Civil War // ECHR*. 2nd ser. XVIII. №1. 1965.

155. Halcrow E.M. The Decline of Demesne Farming on the Estates of Durham Cathedral Priory // *EcHR*. 2nd ser. Vol. 7. 1955.
156. Hallet G. *The Economic and Agricultural Land Tenure*. L., 1960.
157. Hasbach W.A. *A History of the English Agricultural Labourer*. L., 1908.
158. Hassel-Smith A. *Country and Court: Government and Politics in Norfolk, 1558-1603*. Oxford, 1974.
159. Hatcher J. *Plague, Population and the English Economy. 1348-1530*. L., 1977.
160. Heath F. *The English Parish Clergy on the Eve of the Reformation*. L., 1969.
161. Hexter J.H. *Storm over the Gentry. The Tawney – Trevor-Roper Controversy // *Eccounter*. 1958. Vol. 10. № 55.*
162. Hill Chr. *The Century of the Revolution. 1603-1714*. Edinburgh, 1961.
163. Hill Chr. *Change and Continuity in the Seventeenth-Century England*. Cambridge, 1975.
164. Hill Chr. *The English Revolution. 1640. Three Essays*. L., 1949.
165. Hilton R.H. *The English Peasantry in the Later Middle Ages*. Oxford, 1975.
166. Hilton R.H. *Peasants, Knights and Heretics. Studies in the Medieval History*. Cambridge, 1976.
167. Hilton R.H. *The Medieval Society. The West Midlands at the end of the XIII century*. L., 1966.
168. Hobsbawm B.A. *Feudalism, Capitalism and the Absolutist State*. L., 1967.
169. Holderness B.A. *Pre-Industrial England: Economy and Society 1500-1750*. L., 1976.
170. Holderness B.A. *Rural Change and Urban Growth. 1500-1800*. L., 1974.
171. Holorenschaw H. *The Levellers and the English Revolution*. L., 1939.
172. Holdsworth W.S. *Essays in Law and History*. Oxford, 1946.
173. Holdsworth W.S. *A History of English Law. In 14 vol.* L., 1956.
174. Holmes C. *Seventeenth Century Lincolnshire*. L., 1980.
175. Hone N. *The Manor and manorial Records*. Washington, New York, 1972.
176. Hoskins W.G. *Essays in Leicestershire History*. Liverpool, 1950.
177. Hoskins W.G. *The Midland Peasant. The Economic and Social History of a Leicestershire Village*. L., 1957.
178. Hoskins W.G. *Devon and its People*. Newton Abbot, 1968.
179. Hoskins W.G. *Provincial England. Essays in Social and Economic History*. London, New York, 1963.
180. Hoskins W.G., Finberg H.R. *Devonshire Studies*. L., 1952.
181. Hoskins W.G. *The Making of the English Landscape*. L., 1957.
182. Howell R. *Newcastle-upon-Tyne and the Puritan Revolution: A Study of the Civil War in North England*. Oxford, 1967.
183. Jaxley D. *Manor House in Norfolk*. Ipswich, 1978.
184. James M. *Social Problems and Policy during the Puritan Revolution. 1640-1660*. L., 1930.
185. Jones E.L. *Agriculture and Economic Growth in England*. L., 1967.
186. Jones E.L. *Seasons and Prices. The Role of the Weather in English Agricultural History*. L., 1964.

187. Jones E.L., Mingay G.E. Land, Labour and Population in the Agrarian Revolution. L., 1967.
188. Kerridge E. The Movement of Rent. 1540-1640 // EcHR. 2nd ser. Vol. 6. 1953.
189. Kerridge E. Ridge and Furrow and Agrarian History // EcHR. 2nd ser. Vol. 4. 1951.
190. Kerridge E. The Revolts in Wiltshire against Charles I // Wiltshire Arch. and Natural Hist. Mag. Vol. LVII, 1958-1959.
191. Kerridge E. Agrarian Problems in the XVI Century and after. L., 1969.
192. Kerridge E. The Agricultural Revolution. L., 1967.
193. Kerridge E. The Common Fields of England. Manchester, 1992.
194. Kerridge E. Usury, Interest and the Reformation. Ashgate, 2002.
195. Kussmaul A. Servants in Husbandry in Early Modern England. Cambridge, 1981.
196. Leadem I.S. The Inquisition of 1517 // TrRHS. 2nd ser. Vol. 6. 1892; Vol. 7. 1893; Vol. 8. 1894.
197. Lennard R. Rural England. 1086-1135. Oxford, 1959.
198. Lipson E. The Economic History of England: In 3 vol. L., 1943-1945.
199. Lipson E. The Growth of English Society. A Short Economic History. L., 1949.
200. Lloyd T.H. The Gentry of South-West Wales. Cardiff, 1968.
201. Lloyd T.H. The English Wool Trade in the Middle Ages. Cambridge, 1977.
202. Maitland F.W. Selected Historical Essays. Cambridge, 1975.
203. Maitland F.W. (ed.). Selected Pleas in Manorial Courts. L., 1889.
204. Maitland F.W. Domesday Book and Beyond. Cambridge, 1897.
205. Manning R. Villages Revolts. Social Protest and Popular Disturbances. L., 1988.
206. Marshall W. The Rural Economy of Norfolk: In 2 vol. L., 1787.
207. Marshall W. The Rural Economy of Southern Counties: In 2 vol. L., 1798.
208. Marshall W. The Rural Economy of Yorkshire: In 2 vol. L., 1788.
209. Marshall W. The Rural Economy of Gloucestershire: In 2 vol. Gloucester, 1789.
210. Martin J.E. Feudalism to Capitalism: Peasant and Landlord in English Agrarian Development. L., 1983.
211. Mingay G.E. English Landed Society in the XVIII century. L., 1963.
212. Mingay G.E. The Agricultural Revolution. L., 1977.
213. Mingay G.E. Enclosure and the Small Farmer in the Age of the Industrial Revolution. L., 1968.
214. Mingay G.E. The Gentry. The Rise and the fall of a Ruling Class. L., 1976.
215. Mingay G.E. The Constitutional History Of England. Cambridge, 1911.
216. Morill J.S. The Revolt of the Provinces: Conservatives and Radicals in the English Civil War, 1630-1650. London, New York, 1976.
217. Overton M. Agricultural Revolution? Development of the Agrarian Economy in the Early Modern England. Exploration in historical Geography. Cambridge, 1984.

218. Parker L.A. The Depopulation Returns for Leicestershire in 1607 // Trans. Leicester. Arch. Society. Vol. XXIII. 1947.
219. Parker L.A. Enclosure in Leicestershire. 1485-1607. L., 1948.
220. Pollock P. The Land Law. London, New York, 1896.
221. Ponting K.G. A History of the West of England in Cloth Industry. L., 1957.
222. Postan M.M. The Medieval Economy and Society. L., 1972.
223. Postan M.M. Essays on Medieval Agriculture and General Problems of the Medieval Economy. Cambridge, 1973.
224. Postan M.M. The Maps of Domesday // EcHR. 2nd ser. Vol. 7. 1954.
225. Postan M.M. The Estate Labourer in the XVII and XVIII centuries. London, New York, 1973.
226. Power E.E. The Wool Trade in English Medieval History. L., 1942.
227. Power E.E., Postan M.M. Studies in English Trade in the XV century. New York, 1966.
228. Raftis J.A. Tenure and Mobility: Studies in Social History of Medieval England. Toronto, 1964.
229. Ramsay G.D. The Wiltshire Woolen Industry in the XVII and XVIII centuries. L., 1943.
230. Ramsay G.D. The City of London in International Politics at the Accession of Elizabeth Tudor. Manchester, 1975.
231. Ramsay G.D. The Sixteen Century Taxation Lists 1545 and 1576. Devizes, 1954.
232. Ramsay G.D. (ed.). The Price Revolution in the XVI century England. L., 1971.
233. Rense P. Manor House. New York, 1997.
234. Rodgers J.E.T. Six Centuries of Work and Wages. L., 1884.
235. Rodgers J.E.T. A History of Agriculture and Prices in England. Oxford, 1882.
236. Roots L. The General Government and the Local Community // The English Revolution. 1600-1660. L., 1968.
237. Russel F.G. Britain Medieval Population. L., 1948.
238. Simpson W. The Wealth of the Gentry. 1540-1640. Chicago, 1961.
239. Smith R.M. Women's Property Rights under Customary Law: Some Developments in the XIII-XIV centuries // TrRHS. 5-th ser. Vol. 36. L., 1987.
240. Spufford M. A Cambridgeshire Community: Chippenham from Settlement to Enclosure. Leicester, 1965.
241. Spufford M. Contrasting Communities: English Villages in the XVI and XVII Centuries. Cambridge, 1974.
242. Spufford M. (ed.). The World of Rural Dissenters. Cambridge, New York, 1995.
243. Stephenson C. Borough and Town: a Study of Urban Origins in England. Cambridge, 1933.
244. Stone L. The Causes of the English Revolution 1529-1642. L., 1972.
245. Stone L. The Crisis of Aristocracy. 1558-1641. Oxford, 1965.
246. Stone L. Social Change and Revolution in England. 1540-1640. L., 1965.

247. Stone L. *The Family, Sex and Marriage in England. 1500-1800.* Oxford, 1979.
248. Supple B.E. *Commercial Crisis and Change in England. 1600-1642.* Cambridge, 1959.
249. Tawney R.H. *Agrarian Problem in the XVI Century.* L., 1912.
250. Tawney R.H. *The Rise of the Gentry. 1558-1640* // *EcHR.* 2nd ser. Vol. 11. 1941.
251. Tawney R.H. *The Rise of the Gentry. 1558-1640* // *EcHR.* 2nd ser. Vol. 7. 1954.
252. Tawney R.H. *Essays in the Economic History of Tudor and Stuart England.* Cambridge, 1961.
253. *The Brenner Debate. Agrarian Class Structure and Economic Development of Pre-Industrial Europe.* Cambridge, 1985.
254. *The Manor and Borough of Leeds. 1425-1662: an edition of documents.* Leeds, 1983.
255. Thirsk J. *The Sale of Royalist Land during the Interregnum* // *EcHR.* 1952. Vol.5. №2.
256. Thirsk J. *English Peasant Farming. The Agrarian History of Lincolnshire from Tudor to Recent Times.* 1957.
257. Thirsk J. (ed.). *The Agrarian history of England and Wales. Vol. 4. 1500-1640.* Cambridge, 1967.
258. Thirsk J. *Tudor Enclosure.* L., 1959.
259. Thirsk J. (ed.). *Land, Church and People.* Berks, 1970.
260. Thirsk J. *Economic Policy and Projects. The Development of a Consumer Society in Early Modern England.* Oxford, 1978.
261. Titov J.Z. *Some Differences between Manors and their Effects on the Condition of the Peasantry* // *Agr. Hist. Review.* X.1962.
262. Trevor-Roper H.R. *The Gentry. 1540-1640.* London, New York, 1953.
263. Trevor-Roper H.R. *The Social Origins of the Great Rebellion* // *History Today.* 1955. June.
264. *The Victoria History of Wiltshire.* L., 1892.
265. *The Victoria History of Lancashire.* L., 1892.
266. Unwin G. *Studies in Economic History.* L., 1927.
267. Unwin J. *Industrial Organization in the XVI and XVII century.* Oxford, 1964.
268. Vinogradoff P. *Villainage in England.* Oxford, 1892.
269. Vinogradoff P. *The Growth of Manor.* L., 1905.
270. Vinogradoff P. *Transfer of Land and Old English Law.* Cambridge, 1907.
271. Vinogradoff P. *English Society in the XI century.* Oxford, 1908.
272. Vinogradoff P. *By-laws of an Oxfordshire Manor.* Oxford, 1904.
273. Watson I.K. *Manor Woodstock.* Countryman Press, 1996.
274. Webb S. *English Local Government from the Revolution to the Municipal Corporations Act: the Manor and the Borough.* London, New York, 1908. 2nd edn. 1963.
275. Woodward G.W.O. *The Dissolution of Monasteries.* Blandford, 1978.
276. Wrightson K.E., Levine D. *Poverty and Piety in an England Village.* L., 1979.

277. Wrightson K.E. English Society. 1580-1680. L., 1982.
278. Zagorin P. The Social Interpretation of the English Revolution // The Journal of Economic History. 1959. Vol. XIX. №3.